

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
по отдѣленію этнографіи.

Т. XX.

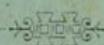

СМОЛЕНСКІЙ
ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ.

СОСТАВИЛЬ

В. Н. ДОБРОВОЛЬСКІЙ.

ЧАСТЬ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.
1891.

№ 6. Абъ лисавымъ и ахотники.	642
№ 7. А бѣднымъ и багатыиъ брати	644
№ 8. Якъ мужикъ пириспоріў чорта, хто пѣсню падаўжей затянить, и якъ чортъ атъ мужика ажно за ва- блаки утикаў.	649
№ 9. Якъ дякынъ чорту падписаўся, а потэмъ чортывы деньги спажіў.	650

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХЪ.

(Шутливыя).

№ 1. Якъ мядвѣдь, воўкъ и пятухъ лисицу изъ заичьига домика турили, и якъ лисица вымудрилась мядь- вѣдя загубить.	652
№ 2. Якъ воўкъ хазяина заставіў кармить сабачку и якъ сабачка ваўка абманіў	653
№ 3. Якъ котъ и сабака съ ваўкомъ дружбу вадили, и воўкъ ихъ карміў, потэмъ сабачку зъѣў.	655
№ 4. Абъ хвбрый свинки.	657
№ 5. Якъ старикъ ваўка забіў	658
№ 6. Ерастъ Ерастовичъ и Хворастъ Хворастовичъ.	—
№ 7. Шутливая (дер. Чепищево Смол. у.).	659
№ 8. „ (село Пречистое Духовщ. у.)	660
№ 9. „ (Пра ахотникиў)	661
№ 10. Атчаго ахотникъ пиристаў ахотню займатца	662
№ 11. А мужикъ, што лоўка ўратъ умѣў	663
№ 12. Лгала и Палагала	665

БЫТОВЫЯ.

№ 1. О добросовѣстномъ бѣднякѣ	669
№ 2. Якъ старуха съ сынымъ деньги зарабляла: сынъ чужіи вещи хуваніть, а старуха схову атгадаіть.	673
№ 3. Якъ попъ съ дяканымъ дяньгу наживали: дяканъ чужея вещи хувалъ, а попъ атгадывалъ.	675

№ 4. Абъ убогихъ старцахъ, якъ ихъ мазурикъ надуў.	676
№ 5. Якъ Андрея Хвадей за грошъ мучіў.	677
№ 6. Якъ храмэй, сляпэй и глухей царю служили.	679
№ 7. Ибъ чудакъ Никули: якъ іонъ праучіў любоўника купчихи, паўташіў глупыхъ мужикоў, папу шутку спутіў и ў батрачкі, замѣстъ бабы, у пупа наймаўся.	681
№ 8. Шутъ Шуткинъ, якъ іонъ пупа, мужикоў и пана правёў.	686
№ 9. Якъ мужикъ съ салдатымъ папоў губили.	690
№ 10. Якъ мужикъ съ цыганымъ деньги сѣли.	692
№ 11. Якъ попъ абманіў аднажды, а Тарасть яго дважды.	693
№ 12. Якъ папоў батракъ пупадьлю праучіў и дъякана, яе спалюбоўника, и пупа нащотъ пупадьди абраузміў.	696
№ 13. Якъ мужикъ свайго батюшку паднадіў.	700
№ 14. Абъ паповымъ батракъ.	701
№ 15. Якъ попъ казломъ здѣлаўся.	703
№ 16. Какъ попъ тяліўся.	704
№ 17. Якъ панъ атняў у мужика пирохъ да гуся, а мужикъ за ета трожжи набіўся пана.	—
№ 18. Мужикъ пану шутычку спутилъ.	707
№ 19. Баринъ — яму мужикъ парайў — лашадей сабѣ изъ тыквъ высиживаў.	708
№ 20. Калядный гость.	709
№ 21. Хлѣбъ-соль! — Просимъ пакорна пакушать!	710
№ 22. Подъ порогомъ иголка.	—
№ 23. Химя — дрепна имя.	—
№ 24. Розвисня.	711

Б ы л ь.

№ 1. Дѣўка викавуха, якъ яе цыгави абманили.	711
№ 2. Дильба.	712
№ 3. Съ зарабыткыў варнуўся.	713
№ 4. Шерстобитъ.	714

— „Можна пущить, только дорга стоить“.

— Многа жъ ли тебѣ нада?

— „Двѣ тысячи рублей“.

— Мы согласны дать.

Онъ, Илгала, и гаварить.

— „Тысячу рублей мнѣ задатку пажалуйтъ!“

Анѣ ему дали тысячу рублей задатку.

Анѣ да вечира коя што паработали, зъ лукаўствымъ—хуть примѣры дѣлали; ночь какъ пришла, ушли воўси дамой.

Пришолъ Лгала дамой къ жаны сваей и Палагалу съ собой привель. Прахадилъ Лгала цѣлыя палгода. Жана съ дитями съ голыда пумирала, по міру хадила и ни магла пракармитца.

Тада Илгала гаварить на жану:

— „Вотъ скольки денихъ умъ мой принесъ!“

Тада жана яво абрадавалась и гаварила:

— „Слава Богу! А кто жъ ета съ табой пришолъ?“

— А ета таварышъ мой, памошникъ!

Узявъ съ имъ падилиль деньги Илгала, далъ сваяму таваришу пятую часть денихъ. То 'нѣ друхъ друга публагадарили, и усякій па сваихъ мѣстахъ жить атстались.

БЫТОВЫЯ.

№ 1.

О добросовѣстномъ бѣднякѣ.

Одинъ бѣднякъ служилъ добросовѣстно, нанимаясь за небольшую плату; какъ онъ женился на волшебницѣ; какъ выстроились у него богатыя хоромы, какъ онъ построилъ своему барину волшебный мостъ, лядо взмотычилъ, хлѣбъ посѣялъ, на тотъ свѣтъ сходилъ и отъ покойного барина узналъ, куда тотъ деньги спряталъ.

Какъ жіў старичокъ; онъ ў такой жіў бѣднасти: только имѣю сабѣ хазяйства адну хатку, да и та чуть только стаіть, и быў у яго только адінъ сынъ. Вотъ наканецъ етыѣ старикъ и помирѣ, астаўся адінъ бѣдный сынишка. — Вотъ іонъ жіў, жіў, и думайтъ:—„Што мнѣ таперь дѣлать? вазьму, да и пайду куды-нибудь, наймусь ў работники“. — Вотъ іонъ пашоў.

Ишоў, ишоў, пришоў ў горыдъ, падайшоў у лаўку къ купцу и гаворить яму:— „Здрастуй, дядюшка!“— Здрастуй, милый чилавѣкъ!— „Наймитя мяне къ сабѣ“.— Пажалуй, братъ, найму,— што вазьмешъ?— „А три капѣйки сирябромъ!“— Ну, изволь, сагласинъ!— Вотъ іонъ жіў, жіў, даживаітъ годъ.— „Ну, дядюшка, пажалуй ращеть!“— А изволь палучить.— Вотъ іонъ узяў ети три капѣйки, и думайтъ:— „Што мнѣ зъ ими дѣлать?— Вазьму: пайду къ калодисю и брошу ихъ у воду.“— И сказаў:— „Ежили я жіў харашо, то еты деньги ни патонють; а ежили я жіў худа, то ани патонють.“— Вотъ іонъ пришоў къ калодисю, да и бросіў ихъ туда; яны и патонули.— Вотъ іонъ думаў, думаў:— „Што мнѣ дѣлать?— Пайду апять къ яму.“— Вотъ іонъ приходитъ изнова къ яму и гаворить:— „Братъ, найми мяне ипять къ сабѣ!“— Ну, што жа таперь вазьмешъ?— „А таперь шесть капѣйкъ!“— Ну, харашо, сказаў купецъ: живи, будить заплочина.— Вотъ іонъ атжіў и другей годъ, палучіў шесть капѣйкъ. Думаў, думаў:— „Гдѣ ихъ дѣль?— Вазьму: ипять пайду къ калодцу.— Приходитъ къ калодисю, взяў и ети бросіў у воду, и ети патанули; патомъ іонъ и гаворить:— „Ахъ, я навѣрна служіў два года; пайду и третій годъ служить.“— Приходитъ къ купцу и гаворить яму:— „Братъ, жіў я ў тябе два года,— найми, братъ, и на третій.“— Ну, харашо, што вазьмешъ?— „А, братъ, таперь ужъ двѣнадцать капѣйкъ.“— Ну, такъ што же? дамъ!— Вотъ іонъ атжіў и третій годъ, приходитъ къ купцу:— „Ну, братъ, пажалуй ращотъ!“— Вотъ купецъ атдаў ращотъ, публагадаріў купца, патомъ пашоў и гаворить:— „Што жа мнѣ таперь дѣлать?“— Вотъ іонъ пашоў у горадъ, приходитъ у лаўку и гаворить на лавашника:— „Дай, братъ, мнѣ воску!“— Лавашникъ и спрашітъ:— Сколько вамъ угодна?— „А, пажалый, на ўсё деньги!“— Іонъ думаў, думаў, сколько яму дать; навѣсіў пудъ и гаворить:— Пажалуй деньги.— Іонъ атдаётъ яму двинадцать капѣйкъ и гаворить:— „У мяне болій нѣту!“— Ну, ступай съ Богымъ!— Вотъ іонъ ишоў, ишоў, приходитъ къ лѣсу, разлажіў агонь и гаворить:— „Ежели дымъ пайдеть кверху, то я жіў харашо, а ежели ўнизъ, то худа.“— Вотъ и пашоў дымъ вверхъ; приходитъ къ яму старикъ и гаворить яму:— „Што ты дѣлаишъ?“— А узнаю щастя, батюшка! я служіў у хазяина три года и выслужіў сабѣ двинадцать капѣйкъ, и купіў сабѣ воску; вотъ

и палажіў яго падъ дровы: куды дымъ пайдеть: уверхъ или ўнізъ?—Вотъ старикъ и гаворить:— „Што тябѣ нада: багатства или нявѣсты?“ — Нѣтъ, батюшка, я хачу жанитца: парайти-ка мнѣ нявѣсту!— „А ступай у церкву, да какъ будишъ идить на крыльцо, тамъ будуть стыять нищія,—вотъ ты пагляди на правую руку: между ихъ будить стыять дѣвшка, то твая нявѣста.“—Вотъ іонъ пабіжаў у церкву, падходить къ крыльцу, пасматріть на ету дѣвшку: а іна стаіть уся ў сапляхъ; іонъ падходить къ ей и гаворить:— „Абатри сапли!“—А іна яму атвѣтила:—Хто любить мяне, тотъ абатреть и пацалуить мяне!— Вотъ іонъ падайшоў къ ей, выніў изъ кармана платокъ, абтеръ и пацалуваў яе; патомъ ўзяў яе за руку и павеў у церкву: перевѣнчались. Патомъ іна и гаворить:— „Ну, милый мой, пайдемъ типерь: пакажи мнѣ сваё хазяйства.“—Ну, іонъ и гаворить:—Пайдемъ.—Вотъ аны пашли, ідѣ стыяла яго избушка,— а ужъ тамъ нѣтъничога. Ина и спрашітъ:—Ни помніў ли ты, ни було ли у тябе какога-нибудь хазяйства?—Вотъ іонъ и гаворить:—Да, кажитца, помню: ідѣ-то було ў мяне ў памити адінъ тапоръ, да и тотъ близъ тапарища.—Нука, пайщи яго!— Да на што іонъ тябѣ?— „А мы сдѣлаімъ домъ!“—Вотъ іонъ пу примѣтамъ капать, да капать на томъ мѣсти, адѣ стыяла избушка, нашоў падъ стѣной и гаворить:— „Ну, какъ мы сдѣлаімъ? у насъ нѣту денигъ.“—Лажись-ка, мой милый!—утра мудрянѣй вечира.—Вотъ яны лягли на етымъ мѣсти, ідѣ стыяла избушка; назаўтра устаў рана, пасматрѣў ў вакно и увидаў етысь домъ, удіўляйтца и гаворить:— „Хто ета такей домъ пастроіў?“—Ета нашыга бѣдныга мужука сынъ.—Вотъ іонъ пасылай сваихъ вѣрныхъ слугъ, чтобы привести яго.—Вотъ іонъ приходитъ къ гаспадину, и спрашітъ гаспадинъ:— „Хто тябѣ такой домъ пастроіў?—Ваша благородія, я самъ.— „Ну, братъ, када ты такъ умѣишъ, то выстрай жа атъ майго дому да твайго сяребринѣй мостъ, на пить верстъ, а па бакамъ высадъ разными диривами, и штобъ на ихъ магли ростъ яблаки: адінъ бокъ залатой, а другой сяребринѣй, и штоба яны магли съ сучка на сучокъ пирискакывать“.—Вотъ идеть іонъ дамой и скучайть, а жина ў яго спрашітъ:— „Што ты скучинъ такъ,

милый мой?“—Да якъ жа мнѣ ни скучать? даў мнѣ данъ задачу, да й нималую!— „Ну, ни таскуй, милый мой, лажись-ка, ат-дыхай: утра вечира мудрянѣй!“—Вотъ іонъ лажитца спать, на-заўтри устаеть, пасматрить: ўсё гатова.—Призываіть яго гас-падинъ.— „Ну, братъ, благодарю тябе за службу вѣрную; ну, братъ, саслужи яще: вотъ етысь лѣсь, што протіў майго дому, выруби, и выпали, и взматычъ и пасѣй рожь,—всё ета ў адну ночь,— и штобы ва ржи магли бы галки спрятатца“.—Идеть іонъ дамой и скучайт; жина спрашіт:— „Што ты, милый мой, скучайшъ?“—Іонъ ей атвичайт:—Да какъ жа ни скучать? приказаў мнѣ гаспадинъ етысь лѣсь вырубить, выпалить, взматычить и засѣйт; — и штобы ў хлѣбѣ магла галка спря-татца.— „Ну, лажись жа, мой милый! утра вечира мудрянѣй.“— Назаўтрига прашнуўся: ўсё гатова. Призываіть яго гаспа-динъ:— „Ну, благодарю тябе за дѣлъ службы;—суслужи и тре-тію: мой атецъ помиръ, а деньги палажіў, ни знаю ідѣ:— вотъ схади, да узнай.“—Вотъ іонъ идеть дамой и плачить; жина яго спрашіт:— „Чаго ты, мой милый, плачишъ?“—Да какъ жа мнѣ, милая мая, ни плакать?—то были задачи, ни задачи, ну, вотъ то задача:—какъ мнѣ схадить на тотъ свѣтъ да спра-сить у яго атца деньги?—Ну, вотъ я табѣ раскажу, якъ спра-сить: ты вазьми съ сабой яго упраўляющаго, па дароги ты иди,—тамъ найдешь краснинькій клубочикъ; — ты вазьми яго съ сабой: куда іонъ пакотитца, туда и ты иди за имъ“.— Вотъ іовъ шоў, шоў, находить клубочикъ и пустіў яго. Вотъ клубочикъ катіўся, катіўся, прикачиваетца къ избушки; іонъ пастучаў у двери, яму атварили, выходить къ яму дѣвушка и гаворить яму:— „Што табѣ нужна?“— Воль што мнѣ нужна, гаворить іонъ: мая галубушка, ни знаітъ ли вы, ідѣ наша паньё?— „Падажжи, милый чилавѣкъ, я табѣ раскажу. Дай ка-ты мнѣ краснинькій клубочикъ, а я табѣ дамъ сининькій; вотъ ты вазьми, пусти яго: куды іонъ пакотитца, туда ты и иди.“— Воль іонъ узяў яго за нитычку и пустіў; іонъ и пакатіўся. Прикачиваетца на три дароги и астанаўливаетца. — Воль и ъдуть ў карети, прямая яму на ўстрѣчу; іонъ и кричить.— „Здрастуйте, гаманы. не здѣсь ли наши паны?—Яны атви-чають: — Здѣсь, кали бъ астауся, іось! — Іонъ атвичаў:— „Іось.—Ну, давай сюды“! — Воль етыга памѣщика высадили съ кареты, а упраўляющага ўсадили ў карету, да и гаворють:—

„Ну, скарбъ гавари, ну, скарбъ гавари!—Вотъ панъ написаў яму расписку:—„Атдай майму сыну: іонъ деньги найдеть.“— Вотъ іонъ приносить расписку паничу, — да нашли деньги у доми, падъ паломъ, закапаныя. Вотъ аны ихъ дастали, стали жить, да паживать, да добра наживать.

№ 2.

Якъ старуха съ сынымъ деньги зарабляла: сынъ чужіи вещи хуванть, а старуха схову атгадаіть.

У аднэй дяреўни жила съ сынымъ бѣдная старушка. Ина уздумала сабѣ чуднѣ зараблять хлѣбъ. Сынъ яе варуить и, якъ ня можна, далій хуванть дэнги, а старушка схову сынню людёмъ паказыть и за то денюжки сабираіть съ добрыхъ людей.

— „Вялікая знахарка наша старуха!..“ кажутъ на дяреўни.

И працади на ту пору кальцо у пана (ета злучилась ища ва ўремя кричастнога права). И ни такъ пану кальца тога жаль, якъ дужа абидна, што приближённы слуги кальцо скрали. Пасылаіть панъ карету за старухай—знахаркай. Кучиръ и лакей, украўши кальцо, захатѣли спытать, ти лоўка атгадыватъ знахарка. Вотъ яны падлажили у ящицъ кареты, падъ сидѣнья, нѣсколькі яицъ: ти пазнайстъ старуха, што на яйцахъ сядить. Страшна старухи къ пану ўхаты, ну, и ни паслухаць нильзя: тады вить ни шутили. Старуха и гаворить, усѣвшиесь съ нипривычки у карети и са страху:

— „Мягка мнѣ, а сижу я, слоўна курачка на яечкахъ!..“

— Вить какъ у сукъ вляпила—старуха ты проклятая!—падумаў кучиръ.

Пу пріѣзди старухи у панскай домъ дѣлають ей новыя спытанія. Велина была ли яе згатовіть супъ изъ курицы. Поваръ (а іонъ римясло сваё знаў дужа харашо—хазъ быў) такъ варону сваріў, што супъ вышіў, слова тэй курины, яшо пачищи.

— Укусна, дужа укусна!—гаворить старуха, сама супъ пахлеваваіть.—Да што посли будить? Ахъ, пупалась я, — слоўна тая варона у супъ.

— „Тутъ и сумливатца нечига: ета шельма знахарка!..“
падумаў лакей. Сазнались старухи, што кальцо укради.

— „Ну ладна, укради сабѣ, таекъ и укради; а принесити-
ка мнѣ сюда лебидя, да падайтэ кальцо.“ — Принесли.

— Дайтэ жъ яму на маихъ глазахъ праглытить кальцо у
хлѣби, да глядите: ни 'бманія! — Лебидь праглатіў кальцо
съ хлѣбымъ. Потэмъ старуха и гаворить барину:

— „Баринъ, ня изволять панапрасну гнѣватца, сябе раз-
дражать, а прашу васъ выслушать, што я вамъ скажу: лебидь
праглытіў ваша кальцо“. — Вспароли зобъ лебидю, глянуть:
кальцо! Баринъ приказаў наградить старуху. А сынъ и гаво-
рить атцу (паничи ети заужда ахотники спорить):

— „Пацинька, пайзвольти-ка: я загадаю старухи: старуха
васъ абманила.

— Старухъ, гаворить баринъ, ну, сматри! если ты 'тгада-
ишъ, што загадаіть табѣ паничъ, награжу тябе якъ надаби-
быть; а ни 'тгадаишъ, столки-та табѣ лозаныў у спину. — Па-
ничъ павёў старуха у садъ:

— „Угадай, што спрячу у рукѣ“. — Съ етыми словами
атайшоў атъ яе. А пагода стаяла вясенныя: дяревья распу-
стились и ужъ твитами пакрылись, пѣли птички, литали жуч-
ки и мятушки: усякыя дыханія хвалила Господа Бога — а на
душѣ у старухи яще болій скрябло.

— Што-та скажу я паничу? А чуть было я и ня вырвала-
лась на волюшку, а тутъ... Паничъ ходить по саду и самъ ся-
бѣ думайтъ, што бы такоя старухи паднясти ли атгадки. Сар-
вёть листокъ и сійчасъ жа бросить: — Ета абнакнавенна. Твя-
токъ съ ябланки — тожа вочинъ абнакнавенна. Лятвў жукъ, буцъ
паничу абъ лобъ. Паничъ падняў жука:

— Нихай старуха жука атгадаіть — паглядимъ!“

— Ну, бабѣ, што у мяне ў рукѣ.

— „А, паничекъ ты мой!..“ гаворить старуха: „А пупа-
лася Жучка на мучку у баривыы ручки!..“ — Ета ана жучку
пра сябе сказала: яе на дяреўни уси мальчишки такъ кли-
кали: Жучка, Жучка — и пашла ина „Жучкю“ зватца и са-
ма сябе ззала такъ. — А паничъ што падумаў: ета старуха
пра жучка, што іонъ у рукѣ дяржить. — Якъ махнетъ тога жу-
ка падъ ноги:

— „Ахъ, угадала таки, вѣдьма!“ — Пашли къ пациньки.

Наградіў баринъ старуху, якъ няможна луччи, у карети атвезъ приказаў. Зажила старуха са сваимъ сынымъ на славу, а варувать пиристала.

№ 3.

Якъ попъ съ дяканымъ дяньгу наживали: дяканъ чужея вещи хуваль, а попъ атгадывалъ.

Попъ съ дяканымъ уздумали заниматца вотъ чимъ: дяканъ крадить и хувавить крадинныя вещи, а попъ атгадыить, идѣ тыя вещи. И праслылъ попъ знахаримъ па усей странѣ, дайжа дашолъ абъ немъ слыхъ да самыга да царя.

А у царя прапаў дарагей перстинь, и ня стольки дорагъ царю тэй перстинь, скольки дорга узнать, „хто изъ маихъ приближнихъ людей абманилъ мяне, украў мой перстинь.“

Пасылаить царь за папомъ, ибъ каторымъ іонъ былъ наслышанъ. Привязли папа у дарагей карети, пасадили за столь у пышныхъ палатахъ и замкнули, поють и кормютъ на славу. Ну, попъ такъ и клапотить, такъ у яго на сердци и скрябуть кошки, дайжа ида на умъ няйдетъ.—„Хорошо то мнѣ здѣсь, гаворить іонъ, пачти што у слыхъ. Сяжу мяхка, ёмъ смашная кушання, а апасля-то што будить. Брюха наѣдайся, а ж... атдуваіся!..“

А украли еты перстинь виниралы Брюхыў и Ж..... Яны падашли къ двери и слушаютъ, што знахарь тэй, попъ, будить дѣлать. Услышали паслѣднія слава, потэмъ и гаворють адінъ на воднаго:—Братъ, што ты знаишь? вить батька-то ета на насъ гаворить!.. (Правядлива сказана: на вори шапка гарить). Пришли къ папу и сазнались:—Идѣ намъ укрытца атъ васъ—вы вить запраўскій знахарь—а пришли мы къ вамъ и по добраму сазнаемся у сваей винѣ: мы украли перстинь. Хто Богу ня грѣшинъ, а царю ни винуватъ! Низвиняйти жъ, батюшка, абъ чомъ васъ бизпакоимъ, а пакрыйтъ насъ... И мы вашу милысть ни забудимъ, и будимъ вамъ благодарны—и ни якъ нибудь.

Попъ етыму дужа абрадываўся и гаворить:—„Ну, это харашо, што вы сами сазнались. Палавина вины вамъ за ета прашаитца: павинную галовушку и мечъ ни сячёть. Принясили-ка сюда лебидя!.. Принясли.—Закатайся на маихъ глазахъ пер-

стинь у хлѣби и дайтя яму праглытить.—Потэмъ у присутствіи царя и ўспароли лебидю зобъ и вытигнули перстинь.

Царь и гаворить:— „Я очень даволинъ,— па крайній мѣри, ни на каво изъ васъ мнѣ думка ня будить. Тутъ лебидь усяму причинный.“—Атблагадаріў царь пупа и атпустіў, а винурылы ящо таго болій яму были благадарны. Посли таво зажилъ попъ на славу, а вурувать поўна.

№ 4.

Деревня Проверженка Ельниковского уѣзда.

Абъ убогихъ старцахъ, якъ ихъ мазурикъ надуў.

Ишли старцы па гораду, и было ихъ 12: 6 сляпыхъ, 5 храмыхъ, а 12-ыи храмаинъ, да ня дужа и руками троху дѣйстуйте. Ишли яны па вулицы близка къ трахтиру. Выходить къ имъ мазурикъ:— „Здрастуйте, убогія!“— Здрастый, батюшка!—Приходють храмэя напяредъ, а сляпэя—сзаду; мазурикъ на сляпыхъ гаворить:— „Вотъ вамъ, сляпэя, 100 рублей!“ А самъ и пашоў,ничога имъ ни даўши. Сляпэя астанавились и думаютъ, што деньги узяў хто нибудь изъ ихъ. — „Што будимъ дѣлать зъ етыми диньгами?“—А пайдёмъ-ти-ка у трахтеръ, папъёмъ да пагуляимъ.—Пашли у трахтиръ:— „Трахтирщикъ, дай-ка намъ на 100 рублей папить да пагулять!“—Ды ти іось жа у вакъ деньги?— „Ды іось!“... Сѣли. Трахтирщикъ имъ на 100 рублей падаў.— „Ну, што, убогія, пажалуйте разшотъ!“—А вотъ сичасъ.—Во яны адінъ у иднаго стали пытать:— „Ти у тябе деньги?“—Нѣту.— Мучіўся, мучіўся трахтирщикъ—нѣту денигъ. Уходитъ мазурикъ тэй, што деньги даваў:— „Ну, што, рибяты убогія, чимъ вы разабижены?“— Да вотъ такъ и такъ, батюшка!— „Ну“, гаварить мазурикъ:— „я вамъ пуваражу, — только сабяритя денигъ!“... Во еты сляпэя, кто питачекъ, кто капѣчку: набрали рублей 5, и отдали мазурику.—Ну, сляпэя, прихадите вы заутри на такую-то вулицу: я вамъ пуваражу, а сянни некада.—Пришли яны назаутрига на тую вулицу. Приходитъ и мазурикъ:— „Ну, убогія, прашу я васъ на поминки!“—А куда жа намъ идти, батюшка?— „А идитя за мною“.—Привеў іонъ ихъ у царскій дварецъ, самъ узяў да и пашоў, куда яму нада. Яны думаютъ:— „Пришли

мы на поминки: када жъ будуть нась частить?... Приходить къ имъ салдатъ:— „А што вы, убогія, зайшли суды бязъ просу?“— Какъ, батюшкa? Насъ аднъ завёу на поминки: будить атца пуминать.— Салдатъ далажіў цареўни:— „Пришли нѣйкія убогія вашига атца пуминать, а іонъ ища добръ-здароў и царствымъ вирайдуйтъ.“— Цареўна ни ўзлюбила:— „Забрать ихъ у тямницу, кармить, пакель царь умреть“... Засадили етыхъ сляпыхъ, кормютъ, поють, а яны радуютца, што харашо имъ. Цареўна думайтъ:— „Дакуда я буду кармить етыхъ убогихъ? Ета утрата бальшая.“— Думайтъ: распустить ихъ на сваю родину, гдѣ каторый радіуся, и давать по 3 рубли у мѣсяцъ.— Старцы Богу молютца за етыга мазурика: „Дай яму Богъ здароўя, якъ мы таперь спакойны!“... Стала имъ и тутъ нихарашо:— Якъ умреть царь, дакъ намъ и ни давядетца на поминкахъ пабыть: давай прашенія спишімъ, штоба ипять було можна намъ па гораду хадить, а то намъ и жалавання царская ни нада“... Ета прашенія дайшло да цареўны: усердились ина, што имъ ни наравитца лежа на баку хлѣбъ зараблять, ни приказала ина имъ пенді давать, а дозволила имъ хадить па ярмаркамъ стадами и пуминать. Старцы етымъ давольны стали.

Записано отъ старика Евдокима Хатуля.

№ 5.

Деревня Проверженка Ельниковского уѣзда.

Якъ Андрея Хвадей за грошъ мучіў.

Быў Хвадей, и було у яго многа дятей, и бѣднысть уяго была бальшая: дятей питать нечимъ. А у другимъ сялѣ быў Андрей и тэй быў бѣдинъ. Думаў Хвадей:— „Якъ ба тутъ разжитца у скорымъ рази денигъ? Пайду вичаромъ позна у церкву: ныбяру тамъ денигъ“.— Вышіў на дарогу. Идеть на сустрѣчу къ яму чилавѣкъ,—такъ яны сустрѣтились:— „Здароў“.— Здароў.— Куды ты идешъ?— А иду када бъ идѣ што уварувать?— Ну, пайдемъ умѣсти: я тожа иду варувать“. (А етый чилавѣкъ быў Андрей). Идуть яны и рѣдютца:

— „Куды пайдемъ?— А бварувать мужучка — плакатца будить.“— Гаварить Андрей:— „Будимъ мы аднаму Богу грѣши: пайдемъ у храмъ, набяремъ денигъ!“... Набрали яны денигъ

примножства, вышли яны из церкви да лѣсу; зайдоуши у цущу, дѣлили деньги трай сутыкъ. Дѣлили яны ни на щотъ, а на мѣру, и дасталысь имъ по три шапки денегъ; атстаетца адінъ грошъ старинный, лишній, и Хвадей на Ндрея гаворить:

— „Што, Андрей? Иди ты на рынкъ, размѧни еты грошъ, а такъ яго мы ни раздѣлимъ“. — Распрашалиситка и пашли каждый па сваимъ дварамъ. Какъ Андрей пришоу дамой, изъ радысти деньги еты прибрау, а пра грошъ и забыуся. Были у Андрея рибятки и знашли еты грошъ у яго платьти. Стали гулять и грошъ еты патиряли. Узду мау Хвадей: — „За што жъ Андрею грошъ лишній? — Пайду, вазьму у яго“. Приходитъ Хвадей къ Андрею: — „Ну, Андрей, падавай грошъ!“ — Андрей Хвадею у первымъ рази пакаріуся: — „Братъ Хвадей, пашли дѣти на вулицу гулять и грошъ патиряли!... — О, нѣ, братъ Андрей, идѣ хочишъ бяри грошъ, а яго падавай!... Андрей Хвадею за еты грошъ давау шапку денегъ. — „Нѣ“, гаворить: — „ни нада мнѣ твае деньги, а буду у тябе спрашиватъ еты грошъ, пакуль памрещъ“. — Андрей думайтъ, што Хвадей гаваріу: — „Буду спрашиватъ еты грошъ, пакуль памрещъ... Якъ Хвадей пашоу, Андрей и приставіуся, што бутда памеръ; адѣли яго, палажили на кутъ. Пачуу Хвадей, што Андрей памеръ:

— „Пайду жъ я, зъ имъ пупращаюсь, што я зъ имъ суятіуся за грошъ“. — Приходитъ Хвадей у избу: — „А што, Андрей, було бяречъ грошъ, — дакъ ба ты и ня вумиръ.... Дай жа зъ имъ пупращаюсь!“ — Узяу Хвадей у зубы иглу и давай яго у зубы калоть. Андрей тярпѣу, тярпѣу, — нада атживатца! — Судились яны за еты грошъ три гады. Андрей Хвадею уси девыги за еты грошъ атдавау, а іонъ ни узяу. Думайтъ Андрей: — „Умру и прикажу, штоба мяне и зъ гробымъ у церькву паставили“. — Такъ Андрея зъ гробымъ звязли и паставили у церькву на нычъ. Идутъ у ету ночь вары и лумаютъ двери, улѣзли у двери и ходютъ. Думайтъ Андрей: — „Ти ни Хвадей ета пришоу? — Кали іонъ мяне сяредъ дня усяго скалоу, а наччу іонъ мяне саусимъ замучить“. — Андрей стау у грабу крышку падымать, штоба вылизть. Увидали вары, што изъ гроба лѣзить мяртвецъ, и гаворють: — „Утикатя: будить вамъ худа“... Сколько яны денегъ набрали, уси съ пиряцугу пубрысали. Андрей вышіу зъ гробу, пирикрястіуся: — „Госпиди, грѣхъ ня грѣхъ, а еты деньги зыбяру: ти ня будить тутъ граша?“ — Думайтъ па-

томъ Андрей:— „Уси деньги забраўши, мнѣ будить нильзя ат-
живитца: скажутъ: у церкви начуваў и деньги забраў! Вазьму
адинъ грошъ и ляжу у гробъ“.— Увидіў сторажъ, что церква
разломана, и зазваніў іонъ тривогу. Пасбіжаўся народъ; стали
гаварить, стали кричать. Кричить Андрей съ гробу:— „Народъ
праваслаўный, узымі мя крышку!“... Вышіў іонъ зъ гроба,
попъ яго спрашінть:— „Што, Андрей, ты тутъ быў, ти на чу́
ты, ти на видіў, кто быў тутъ?“... Гаворить Андрей:— „Ба-
тюшка, я чу́, что нѣхта ходить тутъ, даекъ я закрич'ў:—
„И я тутъ!“— Даекъ вары гаворють:— „Уходите, рибыты, а то
тутъ мертвыя устають!“... Приходить Андрей зъ гробу дамой
и гаворить хазяйки:— „Ну, хазяйка, слава Богу! Таперь будимъ
жить: я грошъ дастаў, съ Хвадеімъ расплачуся!— Приходить
Хвадей. Андрей гаворить:— „Ну, Хвадей, грошъ я дастаў,
вазьми яго, да разминяй самъ:— сабѣ вазьми палавину и мнѣ
палавину!... Якъ мы съ табою были за братца, адинъ аднаго
пачитали, а потэмъ я два разы за тябе умираў, за еты грошъ
я табѣ три шапки денигъ атдаваў, а ты быў нямысліў!—
Гаворить Хвадей:— „Братицъ мой, я тябе и калоў.... Ну, братъ,
бяри сабѣ шапку денигъ, а грошъ нихай мнѣ.“— „Нѣ, братъ,
я табѣ и три шапки даваў, да ты ни браў!...“ Хвадей гаво-
рить:— „Ну, бяри сабѣ $1\frac{1}{2}$ шапки денигъ, только будимъ жить
хорошо!“— Узяў Андрей деньги, и жили яны хорошо аднъ съ
аднымъ.

Записано отъ старика Евдокима Хатуля.

№ 6.

Деревня Проверженка Ельниковского уѣзда.

Якъ храмэй, сляпэй и глухей царю служили.

Сабрались у кучу на дорогу: храмэй; сляпэй и глухей. Сляпэй
гаворить на храмога:— „Ну, идѣ намъ денихъ дастать?..“
Удругъ имъ причулъсь, что глухей нѣшта сказаў:— „Пайдемъ
къ царю: іонъ намъ будить деньги давать.“— Пришли къ цар-
скому дварцу, и стали яны, идѣ чисавэя ходють на калавури.
Идеть чисавэй на хватеру, а яны гаворють:— „Гаспадинъ чи-
савэй, далажите царю, што мы пришли у работники къ яму
наниматца.“— Царь гаворить:— „Спросите ихъ суда“.— Прихо-

дють яны налишна къ царю.— „Ну, мужучки, какою вы рабо-
тыю у мяне хатитя занятца?“ — Свѣтъ гасударь, дайся намъ ра-
боту, каторая палегчи! — Пасылаить царь у думу: — „Якъ тамъ
уздумають яму работу дать палегчи?“ — У думи уздумали: — „Сля-
пога пасадить картошки стяречъ; храмога живатину паствить;
глухога паставить на царскихъ варотахъ, штоба іонъ чуў, хто
будить калакаломъ ъхать.“ — Развяли ихъ усихъ: кожнаго на
сваё мѣста. Нямнога яны пубыли, храмэй думайти: — „Ну, што жъ
ета мы ни дагаварились съ царёмъ, па скольки кожныму жа-
лавання. Пайду-тка я адінъ дагаварюсь.“ — Храмэй двѣ вяр-
сты ишоў два мѣсица. Далајили царю, што храмэй пришоў пра-
сить жалавання. Царь приказаў назвать яго. — „Ну, што, ха-
рашо живатину паствить?“ — Царь, вяликій анпиратыръ! Я ища-
живатину и ни паствіў и ни видаў яе. — „А идѣ жъ ты быў
два мѣсицы?“ — А, царь-гасударь, мяне туды на кани звязли, а
я уздумаў, какоја ты намъ будишъ жалавання платить, и при-
шоў аттэль пяшкомъ. — Царь гаворить: — „Яму ни живатину
паствить, а яго пасадить на бахту и карьмить.“ — Сляпэй сядѣў на
картошкахъ, и узнали пра ета гаражани; дакладають
царю, што атъ сляпога усё у гароди паракрали. Царь прика-
заў яго привесть. — Ну, какъ ета ты, сляпэй, калавуріў кар-
тошки — уси паракрали? — Свѣтъ гасударь, я никога ни видаў. —
„Вотъ жа, иди на хватеру къ храмому.“ — Слуги звали сля-
пога къ храмому. — Царь приказаў: — „Запрягите три тройки,
и привесьте къ жодный тройки па 3 калакалы, и ъдѣтъ кала
глухога.“ — Запрягли и ъдуть кала тыхъ варотъ, идѣ глухей, —
іонъ ничога и ня чуить. Данясли царю: — „Іонъ и на ноги ни
устаў — ня чуитьничога.“ — Привесть и яго къ храмому и къ
сляпому. — Сабрались яны ў кучу, и гаворить царь на слугъ: —
„Звястить и храмога, и сляпога, и глухога у думу.“ — Гаворить
тады царь на сваихъ сынаторыў: — „Ну, якъ вы разсудили ихъ
па разнымъ работамъ, то разсудите, хто тутъ винуватъ за етыхъ
работникиў?“ — Судили, судили, паставили: — „Храмэй праў: на
што яго становили скатину паствить, када знали, што іонъ
хромъ?“ — Етыга судью, што присудіў храмога скатину пасти-
вить, аштрахувать на 1000 рублей и атдать штрахъ храмому
на пракармленія. — Присудили съ судьди 1000 рублей и сляпо-
му; глухому тожа съ судьди 1000 рублей, — патаму што яны
знали, хто глухъ, хто слѣпъ.

Царь приказаў, штоба ихъ развязли па дамахъ на царскій щотъ, а девыги дастаўлять ни разымъ, а па троху: а то яны разымъ зъ диньгами збалуютца,—нечимъ будить да смерти пра-кармитца; а если атъ ихъ деньги атстанутца, то можна посли ихъ смерти сродствинникамъ палучить.

Отъ старика Евдо́кима Хатуля.

№ 7.

Ибъ чудакъ Микули: якъ іонъ праўчіў любоўника купчихи, патўапіў глупыхъ мужикоў, папу шутку сшутіў и ў бат-рачки, замѣстъ бабы, у пупа наймаўся.

Якъ быў мужикъ бѣдный; худа у яго была: одна кабы-лека — и тая низдарова. Такъ сусѣди яго присыгласили: — „Братъ Микулка, сбудь ты ету кабылку, а мы табѣ купимъ другую, харошую.“ — Такъ іонъ ету лошадь завеў у кусты, забіў яе, а шкуру блупіў и ванесъ у горыдъ прадавать (а горыдъ быў близка). Іонъ ету шкуру прадаў; дали яму за яе 70 кап'ицъ на ассигнацію. Узяўши тэя девыги, зайшоў у питейный, выпіў, закусіў и сабраўся дамой идти. Пашоў дожжъ, и та-кей магучій, бальшій. Зайшоў іонъ къ аднаму купцу пасядѣть, пакамисть дожжъ пиряйдить. Купецъ быў у лаўки, а жовка адна дома. Пріѣхаў къ ей любоўникъ. Жана купцова стала яму рада: давай пить, гулять, и лягли яны умѣсти спать; а жонка купцова празабыла, што купецъ скора прыдить зъ лаў-ки. Мужучокъ сядить и усё ета видить. Патомъ таго стаў ку-пецъ у домъ стукатца: — агу, любоўнику етыму дѣтца некуды. Жана купца гаворить: — Иди у прихожію, пализай падъ печъ. — Мужучокъ ета видить, што харашо адѣтый чилавѣкъ падъ печъ палѣзъ атъ хазяина, — убаяўся іонъ: — „Када іонъ у харо-шій адёжи хувантца, — палѣзу и я къ яму...“ Палѣзъ и му-жикъ падъ печку. Захатѣў мужикъ етый у любоўника денигъ атабратъ, и гаворить яму: — „Братъ, сянни у мяне памёръ батька и ни вялѣў ни плакать, ни скучать, а вялѣў вися-литца...“ Любоўникъ гаворить: — „Братъ, патярпи! Вотъ табѣ 100 рублей: только маўчи!“ — Ну, сто рублей вазьму, да ўрядъ ти утварплю! запялю. — Узяў мужикъ у любоўника сто рублей. Троху пасядѣў, да якъ закотить пѣсви на ўвесь домъ... Ку-

пець ета чуить и гаворить на жану:— „Што, любезная, катца, у нашимъ доми пѣсни играютъ!“ — Жонка гаворить:— „И—и, ета идуть па вулицы парни и пяютъ“. Мужъ етыму, значить, вѣры паняў:— „Тошна, знать, прауда!“ — Мужучокъ гаворить на любоўника:— „Братъ, стала мнѣ тошна: бяри свае назадъ деньгі, а я пѣть хачу.“ — Любоўникъ гаворить:— „Братъ, вазьми мае сапаги, яны стоять рублей 12,—а только маўчи!...—О-о, нѣ, братъ! и деньги бяри, и сапаги ни нада,—ня утерплю!— Ну, аднака угаваріў яго и сапаги яму атдаў—мужикъ маўчить. Надѣў мужикъ сапаги и думайтъ:— „У етага любоўника конь харошъ, запяю...“ Якъ запѣў іонъ пѣсню, ажну домъ тряштъ. Любоўникъ гаворить:— „Братъ, маўчи: у мяне на дварѣ стаіть конь съ тялѣгыю,—сто рублей стойти —бяри яго сабѣ,—тольки маўчи.“ — Мужикъ гаворить:— Ну, буду тярпѣть,—тольки ни знаю! батькина слова нада выпаўнить: ета вяликий ращотъ.“ — Ну, патярпи! — Купецкая жана уложила мужа спать, а сама пашла вароты атчинять, любоўника выправаживать. Етыму любоўнику совисна паказатца у разодранымъ жупа́ни, у растоптаныхъ кавирзняхъ: усе мужуку атдаў. Во етый мужикъ лѣзть напярёдъ, а любоўникъ сзаду. Купчиха думала, што напяредъ лѣзть яе любоўникъ: узила да й падарила яму кальцо залатое; ина яму и лошадь паказала. Мужучокъ на ету лошадь сѣў и благодарить купчиху. А настаящій любоўникъ ни вѣпримя и виду ей ни паказаў, што іонъ яе любоўникъ. Дуў іонъ пяшкомъ вярсты три или чатыри. Мужучекъ етый, ўхаўши, на сваё поля узъѣхаў. Мужушки ужу выихали пахать; старики ни знаютъ, што ета ѿдить Микулка, а маладэя гаворють:— „Ета Микулка ѿдить.“ — Падъижжайтъ іонъ къ етымъ мужучкамъ и гаворить:— „Пумагай Богъ, сусѣди!“ — Яны яго спрашіють:— „Братъ Микулка, якою ета ты судьбою сабѣ еткую лошадь купіў?“ — Микулка гаворить:— „А, братцы, вы мнѣ сказали ету кабылу убить; — во я яе забіў, а шкуру прадаў.“ — Мужушки гаворють:— „Што жъ ты за шкуру узяў?“ — А, братцы, узяў я 170 рублей; за то куші тялѣгу, каня, да и самъ сябе адѣў.—Ныничи, братцы, кони ни па чомъ: харошая лошадь рублей 5, а харошая шкура рублей 200.— Еты мужушки сбрались у кучу и давай радитца:— „Што, братцы—сусѣди, бросимъ пахать, коній пабѣнъ, а шкуры працадимъ, а сами падѣлаімся купцами!..“ Бросили яны пахать, сохи на калёсы, и

пупріхали дамой. Жоны спрашіють: — „А, што, ти видили, якъ Микулка ўхаў?“ — А-а, и мы сваихъ коній пабьемъ, а шкуры прададимъ: ета іонъ за шкуру купіў.“ — Жоны гаворють: — „А луччи будить, кали мы бросимъ пахать, а станимъ таргувать!“ — Быть яны лашадей ўсей дяреўні. Дни два били етыхъ коній, усихъ пабили, аставили па адномъ тольки дровы вазить. Панагрузили яны шкуръ, пувязли прадавать. Уизжають яны у горадъ на плошадь; идуть тарговыя мищани и гаворють, увидіўши етый абозъ: — „О, Госпади, нечай абозъ идетъ съ кожами, — якога-то купца?“ — Сустрикаютца яны зъ ими и гаворють: — А што, мужуки, якога ета купца таваръ? — Ета нашъ собствинный. — И нѣсколькі мищань гаворить: — „Госпуди, во наказаўса ўсей дяреўни кони падохли!“ — Мужуки еты астанавились на плошади и атпрягли коній. Приходють къ имъ пакупатили-кажеўники. — „А што, мужучки, прадаетя шкуры? — А няго жъ ни прадаемъ? — „Ну, якую жъ цану будзя прасить атъ шкуры?“ — А, братъ, ни раўна: іость па триста, па двѣстя и па 50 рублей — икая шкура. — Мищани гаворють на другога мужука: — А што, милый чилавѣкъ, вѣрна, у васъ іонъ пубунтуваўши: просить за шкуру то, што за завадскую лошадь и за живую ни дають!“ — Етый мужикъ гаворить: — „Эка-та дуракъ! Да мае шкуры ища дарожи: мае кони были пабуйнѣй!“ — Мищанинъ падрядъ траихъ мужукоў папытаў: па триста, да па сто рублей. И пришоў тотъ мищанинъ, каторый у Микулки шкуру купіў, и спрасіў, пачомъ шкуры. — Яны и яму сказали: — „Іость па триста, па сто — на роўна.“ — Тотъ имъ стаў гаворить, а яны гаворють: — „У насъ учора Микулка съ саўсимъ низдаровыі лошади шкуру прадаў, а узяў 170 рублей; а наши кони вонъ якея были!..“ Мищанинъ етый гаворить: — „Братцы, да я учора у Микулы купіў шкуру за 70 капѣкъ, на 'сигнаці. Када ня вѣритя, — хадите, шкуру паглядите!“ — Мужучки еты шкуру пазнали. Заплакали еты мужучки: абманіў Микулка! Продали еты шкуры, ўдуть дамой, и плачутъ, и радуютца: — „Микулу етага мы зальлемъ! А жывая галава усяго наживеть, — якъ нибудь пирябъемся!“ — Пріхали дамой, призывають Микулку: — „Ну, што, Микулка, мы тябе съ свѣту збудимъ: ты нась спадманіў.“ — Микулка ни 'тпираітца: — „Да, братцы, стдоу я таго!“ — Яны яго биза ўсякага званія звизали, пувяли къ рякѣ. — „Ну, што, аднаму или дваймъ яго пихать, будить грѣхъ.“ — Адинъ ста-

рикъ гаворить:— „Братцы, Микулка нихай тутъ пастаіть, а мы пойдимъ у зарысь, высикимъ на кожныга хазяина па хлудцу аднэй мѣры.“ — Вотъ яны пашли, а яго бросили. А зарысь атъ возира была зъ вярсту. Стати Микулка и кричить: — „Ахъ, кабы хто да на маё мѣста стаў: я ня ўмѣю ни читать, ни писать, а мяне судьею ставю: у день сто рублей, а ў нядѣлю тысячу.“ — Ёхаў нѣйкій праизжающій, ни зъ нашихъ замель, каталіческій вѣры. Услыхаў іонъ етый крикъ; пасылаітъ кучира: — „Иди-ка ты, узнай, чаго іонъ кричить!“ — Кучиръ пытаітъ у Микулки: — „Чаго ты кричишь?“ — А во чаго: паставили мяне судьею, я ня ўмѣю ни читать, ни писать, а даютъ мнѣ у день сто рублей, а ў нядѣлю тысячу; дакъ я хачу ета мѣста каму-нибудь піридатъ.“ — Кучиръ пра ета сказаў пану. Во етый панъ абрадаваўся и ёдіть къ Микулки на тройки лошадей. — „Ну, піридаси сваё мѣста?“ — Да піридамъ. — Панъ яму атдаў тройку лашадей и кучира. Напрянющу панъ Микулкину адежу, а сваю атдаў яму, а самъ стаў на Микулкина мѣста. Сѣ Микулка на коній и падѣхаў. Мужуки идутъ зъ роши и гаворють: — „Етыми хлудцами упихнемъ Микулку у рѣчку уси разымъ: трихъ будить усімъ па троху.“ — Во яны етага пана и упихнули. Гаворють мізъ сабою: — „Нихай-ка іонъ тяперь чуды пачудить, а то іонъ хатѣў усю дяреўню звесты.“ — Идуть яны дамой. Во и Мікула зъ ими сустрикаітца на тройки коній, у карети, съ кучирымъ. — „А што, Микулка, ти ты жіў?!..“ — А вы думаетя, што нѣ? Вы мяне за коній заливали, а тамъ ихъ, колъки каму нада. Я только у воду пупаў, то сказаў: — „Давай тройку бурыхъ съ вупражжу!“ — Мнѣ січасъ и падали. — Пришли мужуки дамой и гаворють жонкамъ: — „Мы Микулку було напрасно залили,— ня нужна було заливать. Іонъ намъ многа спосабу даў. — Якога? — спрашіють жонки. — „А во: іонъ изъ вады пріѣхаў на тройки бурыхъ коній, у карети и съ кучирымъ.“ — А-а, дакъ ета усімъ нада заливатца, а мы вамъ башлыки пашімъ, штоба паскарбѣй захлябнулись. — Во стали яны шить, жодная на свайго мужука, — нашили примножиства на старыхъ и на маладыхъ, штоба коній зъ вады паболій привяли. Даў Богъ тэя часы, када нада було заливать. Уся дяреўня вышла на бирагъ, штоба пихать у воду. Усіхъ пупу́пихали, адны жоны пу бирагу ходють и дажидають, ти скора будуть зъ вады на каняхъ ёхать. Дажидали яны коній атъ палночи да бѣлыга

свѣту, — нѣту. Ужу пастухъ панская стада выгнуу къ рѣчки; пытаить у ихъ: — „Што ета вы, лябедки, рана ходитя?“ — Яны ета пастуху разсказали. Пастухъ имъ отказалъ: — „Эхъ, вы! Вамъ жа таперь сваихъ мужоў вѣкъ ни видать...“ Яны узяли адна адна за шыю, за руки, идуть и плачутъ: — „Микулка спадманіў!“ Микулка самъ быу дужа красіу, ну и жина была тожа красива — ни пызнаишъ: якъ адно лицо были. Радитца Микулка съ сваю жаною: — „Таперь мужукоў у дяреўни нѣту; я пайду пахать на багачову паласу.“ — Выихаў пахать на ўсихъ сваихъ лашадяхъ, — и такъ еты лошади харали, што луччи нѣту.

Пачуў попъ, што Микулка чуды чудить: — „Пайду, пупрашу Микулку, штоба іонъ мнѣ чуду счудіў.“ — Приходить къ Микулки на поля: — „Я хатѣў ба тябе пубизпакоить: счуди ты мнѣ чуду харошую?“ — Ахъ, батюшка, таперь харашо пахать халадкомъ, а у жаръ дрянь...“ Ну, якъ еты попъ быу дли свайго приходу дужа миласэрдинъ, — нильзя яму, Микулки, ни паслушать пупа: нада яму чуду здѣлать. — „Ну, вотъ, батюшка, вы пасядите здѣсь, а я пайду и чуду счужу!“ — Атпрѣхъ коній и пашоў. Пашоў бярезничкыемъ, прибигаіть па папоў дворъ. — „Здрastуйте, матушка!“ — Здрastуй, Микулка. Што ты къ намъ пришоў? — „А вотъ, матушка! я ли дарози пахаў, ли мяне быу батюшка. — Ну, праизжаў нѣхта и заспоріў зъ батюшкью, што у васъ у домі нѣту 3 тысячъ денегъ. Када іось, дакъ давайтэ: я панясу батюшки, а вамъ тады дадуть 6 тысячъ — тысяча на тысячу.“ — Пупадъя яму 3 тысячи вѣтдала и съ шкатулкью. Дайшоў Микулка да гумна: — „Ну, што, ета чуда ня чуда, а нада ящо...“ Вярнуўся іонъ къ пупадъдѣ: — „Матушка, я забыў: батюшка вялѣў са ўсихъ старонъ домъ запа-лить, а праизжающій вамъ выстрайти каминный, трітажный...“ У пупадъди были дочки, яны и гаворють: — „Ахъ, маминька, када такъ, дакъ запалимъ! нашъ таперь дириянный, а то будить каминный.“ — Микулка да тыхъ поръ ни пашоў, пакуда запалили домъ. Видить попъ съ поля, што яго домъ гарить, Бяжитъ и гаворить: — „Ай, да Микулка! Во чуда счудіў, — чуднѣй и ни нада...“ Прибигаіть къ дому, стала яго пупадъдя ругать: — „Ну, на што ты Микули приказаў ета дѣлать?“ — Да, ета я яго пупрасіў чуду счудить... Ну, чуднѣй етага чуда и ни нада... А ти вынила ты деньги? — „Якъ?!.. Ты жъ вялѣў

Микулки принесть къ табѣ деньги!..“ — Ну, счудіў жа іонъ, чуднѣй етыга и нѣту... И жалитца нильзя... Ну, упярёдъ лясы были паболій: яму паны надарили лѣсу, — іонъ мѣсицы у два абстроіўся. — Микулка усё знаў, што будить. Разъ іонъ гаворить жонки: — „Ну, жонка, сянни придетъ къ намъ попъ тябе у батрачки ванимать. Пригатуй ты мнѣ саянъ, платокъ—усю адежу,— я надѣнусь бабью.“ — Надѣўся іонъ, сѣў падъ кудель и прядеть. Приходить попъ: — „Здрастуй, Микульчиха!..“ — Здрастуйта, батюшка. — „Ну, идѣ жъ Микулка?“ — А, батюшка, плуту злоу́ськая и смерть: якъ спаліў вамъ дворъ, — дыкъ нѣкуды сыйшоў, да и нѣту. — „Ну, а што, когда ба ты нанилась ка мнѣ у работницы?“ — Атчаго жъ, батюшка? — Мнѣ ўсё адно: чимся такъ жить, луччи нанятца куды. — Узила пряслицу на плячо и пашла за папомъ. Приходить у домъ; пупадъдя радая такая, што красива баба. Даў Богъ синакось. У дякана батраки, у дичка батраки, а ня 'динъ зъ паповую батрачку ни справитца. Три гады служіў Микула за ўдаву. Ну, быў у етымъ сялѣ пристоль, пріѣхаў адінъ дячокъ къ етыму папу у гости. Микула гатуить усё замістъ женщины и удавою узываітца. Гаворить дячокъ папу: — „Батюшка, я за ўдавѣ; хазяйства вадить нѣкому, — пагаваритя вы батрачки, штоба ина за мяне пашла замужъ.“ — Священникъ стаў гаворить: — „Ну, ты пойдишъ за дичка за мужъ?“ — Дакъ атъ чаго жъ? Када іонъ мною на гребуіть, дакъ пайду... Тады ужу узнаў попъ, што эта быў Микулка, а ни Микульчиха.

Отъ старика Евдокима Хатуля.

№ 8.

Шутъ Шуткинъ, якъ іонъ пупа, мужикоў и пана правёў.

Какъ жіў адінъ чилавѣкъ, а называўся іонъ Шутъ Шуткинъ. Захатѣлась яму адінъ разъ прайдитца кала дороги. Идеть іонъ дарогу́й, а кала дороги попъ пашить; іонъ и гаворить яму: — „Здрастуй, батюшка!“ — Здрастуй, Шутъ Шуткинъ! — Братъ, спути мнѣ шутку! — „Ахъ, батюшка, спутіў ба, да шутки дома пазабыў. Ежели вамъ угодна, то выпрыгнія мнѣ каня, а я съѣзжу за шутками“. — Вотъ попъ выпрыгнія каня и атдаў Шуту Шуткину. Шутъ Шуткинъ и паѣхаў за шутками. Заѣхаў у ба-

лота, утапіў каня, атрѣзаў яму галаву, хвостъ, а патомъ ипять приляшіў и пашоў къ папу: — „Ну, батюшка, за шутками я зъѣздіў, а толька каня утапіў; пайдемъ тянуть“. — Вотъ яны перва узяли за галаву, тянули, тянули,—ня вытянули. Патомъ Шутъ Шуткинъ и гаворить:— „Ну, батюшка, бяри ка ты за галаву, а я за хвостъ!“ — Вотъ попъ узяў за галаву, а Шутъ Шуткинъ за хвостъ. Стали тягнуть. Попъ тягнуў, тягнуў и атарваў галаву прочь, и гаворить на Шута: — „Ну, братъ сшутіў ты мнѣ шутку; — што мнѣ таперь дѣлать?“ — „А купи, батюшка, ящо!“ — Вуть попъ бросіў каня, а самъ пашоў дамой; а Шутъ узяў ету лошадь, аблушіў, шкуру прадаў и кушіў сабѣ клячу. Павеў яе ў дяревню, да приводить къ тремъ таварышамъ и купіў ей гарницъ аўса, пасыпаў ей:— „Вотъ, сматритя: паѣсь етыть авесь, а пирядѣлай на сирябро“. — Вотъ ина паѣла гарницъ аўса, а іонъ узяў и падсыпаў падъ яе гарницъ сирибра.— „Вотъ, пасматритя: паѣла гарницъ аўса, а навалила гарницъ сирибра“. — Братъ, прадай яе намъ. — „А купитя!— „Што вазьмѣшь?“ — Три тысячи!— „О, братъ, такъ драга будить!... Ну, да што дѣлать? Мы свае деньги варотимъ“. — Вотъ яны купили лошадь. Адинъ и гаворить: — „дай братъ, перва мнѣ!“ А другой гаворить:— „А, нѣ, пѣрва мнѣ!“ Третій гаворить:— „Да хто узяў, тотъ узяў!“ — Вотъ адінъ узяў; пиринучивала ина ў яго, падсыпаў ей мѣрку аўса и гаворить: „Ну, жонка, къ заўтруму ты шій машну: денигъ у насъ будить многа заўтри!“ — Вотъ іонъ на заўтрига пашоў падбирать деньги, пасматрить: тамъ ня деньги, а толька навозъ. Вотъ идеть къ яму другей таваришъ и спрашіть у яго: — „Што, братъ, какъ тваё дѣла?“ — А я ужъ братъ свае деньги варатіў. — „Ну, братъ, давай таперь мнѣ: я свае варачу!“ — Вотъ іонъ приводить яе, паставіў яе на чистымъ палу, да засыпаў ей, какъ ня можна болій аўса. — „Вотъ многа денигъ будить заўтри!“ Пашоў на заўтрига сматрѣть: а ина паѣла авесь да напакастила. Приходитъ третій таваришъ:— „Што, братъ, у тябе?“ — А іонъ атвичаить яму:— „Слава Богу! я свае варатіў“. — Патомъ и гаворить третій— „Ну, таперь дай-ка мнѣ!“ — Вотъ и третій такъ сдѣлаў, приходитъ и гаворить:— „Што, братцы, у васъ? у мяне г...д!“ — Ну, братъ: усѣмъ раўно! — И гаворють яны:— „Пайдемъ мы да зарѣжимъ яго!... Вотъ яны приходятъ къ Шуту и гаворють яму:— „Ну, братъ, Шутъ, мы тябе пришли рѣзать!“ —

А іонъ и гаворить имъ:— „Братцы, что вы мяне будите галодныга рѣзать? — падаждитя: жонка блиноў напякеть, падъѣмъ блиноў; тады ужу рѣжътъ!“ — А іонъ узяў да начиніў авечій пузырь крою, да падвизаў яго падъ паху, приходить и гаворить:— „Жонка, пяки блины!“ — Ина яму гаворить:— „Што ты ета злурѣў?“ — А іонъ схватіў ножъ, да ей падъ бокъ; ина — брыкъ и завалилась. Яны ета видютъ, што іонъ яе зарѣзаў:— „Братцы, уходите!“ — А іонъ и гаворить:— „Падаждите: я яе атжіўлю!“ — Чимъ жа ты яе атживиши? — „А во чимъ: увидите!“ Приносить кнутъ, сикануў яе три разы и гаворить:— „Пужка-живушка, атжави маю жану́шку!“ — Вотъ ина ускочила и давай печь блины, падкармила ихъ усихъ. Вотъ яны и гаворють:— „Братъ Шутъ, прадай намъ ету пужку!“ — Купите! — „Што вазмешъ?“ — А три тысячи рублей! — „Да ти ня дорыга будить?“ — Нѣтъ, ина стоить! — Вотъ яны купили ету пужку и и панясли съ собой. Адинъ и гаворить:— „Дай-ка, перва я застаўлю свою жонку напечь блиноў!“ — Вотъ іонъ узяў ету пужку, пришоў дамой и гаворить:— „Жонка, пяки блины!“ — Што жъ ты ета ашалѣў? я жъ блиноў ни ўтваряла! — Ионъ схватіў ножъ, да жонку падъ бокъ и закалоў. Патомъ узяў ету пужку — живушку, сѣкъ, сѣкъ, сѣкъ, а жонка ни ўстаеть — няжива. На заўтрига приходитъ таваришъ: — „Ну, што? икава пужка?“ А братъ, ища разъ толька сикануў-дыкъ ина падпрыгнула! — „Ну, братъ, таперь дай мнѣ“. — Вотъ іонъ узяў пужку и приходитъ дамой:— „Жонка, пяки блины!“ — Што ты ета ашалѣў: какія я буду блины печъ? — Ионъ схватіў ножъ, да кальнуў ей падъ бокъ — ина и завалилась. — Вотъ іонъ узяў ету пужку живушку, сѣсь, сѣкъ: ни ўстаеть жонка!... — Назаўтрига приходитъ третій таварышъ: — „Ну, што, братъ, икавѣ тваё дѣла?“ — А, братъ, толька сикануў адінъ разъ, дакъ ина и ўскочила! — „Ну, братъ, дай таперь мнѣ!“ — Приходитъ дамой и гаворить: „Ну, жонка, пяки блины! — А ина и гаворить: ты ты ўзбясіўся? — А іонъ схватіў ножъ и закалоў свою жонку. Патомъ ўзяў ету пужку сѣкъ, сѣкъ: ни ўстаеть жана! — Назаўтрига и гаворють адінъ другому: — „А мы видъ сваихъ жонекъ пакалоли!“ — Вотъ яны и гаворють:— „Пайдемъ, зарѣжимъ Шута Шуткина!“ — Вотъ яны и приходятъ къ Шуту, а яго нѣтути. Спрашивають у хазяйки:— „А йдѣ жъ ета Шутъ?“ — А ина гаворить имъ, да и заплакала:— „Мае вы галубчики, мой Шутъ памеръ!“ — Яны и гаворють

ей:— „Пакажи намъ хуть яго магилку.“ — А ина и гаворить имъ:— „А идитя на кладбища: идѣ будить парыта зимля, тамъ іонъ и ляжить.“ — Вотъ яны приходють на кладбища: свѣжая ни атрытая магилка. (А іонъ ня помиръ, а атъ ихъ схараніўся). Вотъ яны и гаворють:— „Вазьмемъ мы, хоть на яго магилку напакастимъ!“ — Вотъ адінъ и гаворить:— „Ну-ка, перва я!“ — Вотъ іонъ толька сѣў, а Шутъ какъ парнетъ яго аттуль шилымъ ў дуплю,— вотъ іонъ какъ падскочить, да какъ закричить:— „Ай, братцы, іонъ жа жіў! Вазьмемъ мы, яго вытащимъ вонъ!“ — Вотъ яны вытащили яго вонъ, да давай яго бить, а іонъ давай ихъ прасить: — „Братцы, ня бейте: я васъ пакармлю мёдымъ!“ — Вотъ іонъ— павеў ихъ ў пчальникъ и накарміў ихъ мёдымъ. — „Братцы, за што вы мяне хатѣли зарѣзать?“ — А вѣ за што, Шутъ! ты перва намъ прадаў лошадь, да абмануў; ў другой разъ съ абманымъ ты прадаў намъ пужку-живушку; а яще обмануў насъ у третій разъ, што ты помиръ: мы стали пуминать тябе, а ты насъ шилымъ було закалоў. — А Шутъ гаворить:— „Да, паминъ вашъ харошій,— разви такъ пуминаютъ чилавѣка?“ — Ну, да прости ужъ насъ, Шутъ,— ну што дѣлать? — „Да Богъ зъ вами!“ — Вотъ яны нямнога пагадя и гаворють:— „Пайдемъ мы ў яго пчальникъ, да вазьмемъ самыхъ харошихъ пчолъ!“ — А Шутъ ета пачуў и пабѣгъ упяредъ за ихъ у пчальникъ и улѣзъ ў пустой улій, да ѿзяў съ сабою вѣничикъ. Вотъ яны приходють у траихъ у пчальникъ и гаворють:— „Ну, каторый будимъ выбирать?“ — А каторый будить шумѣть, тотъ и вазьмемъ! — Вотъ яны падходють къ таму, идѣ сядѣў Шутъ, узяли яго на плечи и панясли дамой. Вотъ яны паняли, паняли, а іонъ сѣдючи тамъ: свись! А яны и гаворють: — Братцы, пайдемъ паскарѣй: Шутъ даганяить! — Ишли яны, ишли, а іонъ ипять, сѣдючи, тамъ: свись! — „Братцы, Шутъ даганяить!“ — Патомъ іонъ ў третій разъ: свись! Вотъ яны якъ бросили улій, да какъ пубигать ухадить, а іонъ за ими ў дагоню:— „Стой, падажди, ни ушли!“ Вотъ яны бѣгли, бѣгли, патомъ астанавились и гаворють:— „Чаго жъ мы уходимъ? — Разви мы ни справимся ўтраихъ саднымъ! Пайдемъ, да хуть пакушимъ меду!“ — Вотъ яны приходють ипять къ вулью и гаворють:— „Ну, давайте медъ ёсть!“ — Вотъ адінъ закалунуў рукою, да палажіў ў ротъ, патомъ и другой, и гаворють:— „Ахъ, какъ харашо!“ — А третій узяў и гаворить имъ:— „Ета г...о!“ — А яны

и гаворють:— „Ну, братъ, усѣмъ раўно!“— Патомъ и гаворють: „Ну, братцы, ета намъ усё Шутъ панадѣлаў! давайтэ яго искаль: іонъ тутъ нейди нидалёка!“— Вотъ яны искали, искали, нашли яго и гаворють:— „Ну, таперь мы тябе ни прапустимъ!“ Вотъ яны ўзяли, вязутъ яго и привязли къ возиру, пасадили яго ў мяшоکъ и гаворють: „Пайдемъ за тапаромъ прасѣчъ про-лыбку“. Вотъ іонъ остаўся аднъ ли дароги ў мяшкѣ; ёдти гас-падинъ, а іонъ и кричитъ: „Ня ўмѣю ни читать, ни писать, а на тотъ свѣтъ у карали иду!“— Памѣщикъ и гаворить:— „Да-вай, я за тябе ў карали пайду!“— Яго аттуда памѣщикъ вы-пустіў, а Шутъ усадіў яго ў мяшоکъ, пихнуў яго ў ваду и га-ворить: „Пиши тамъ бурыхъ и сивыхъ!“— А самъ сѣў на па-мѣщиковыхъ лашадей, пажхаў дамой, стаў жить, да паживатъ, да добра наживатъ, а худа праживатъ.

№ 9,

Якъ мужикъ съ салдатымъ папоў губили.

Въ нѣкаторымъ царствѣ, въ нѣкаторымъ гасударствѣ, не имин-на у томъ, ў каторымъ мы живемъ, жіў мужикъ, и такой багатина, што іонъ ни знаў сваей казны.— Вотъ иднажды радила яво же-на; іонъ гаворить сваей жанѣ:— „Ну, што мы таперь будимъ дѣлать?“— А жана яму гаворить:— А ступай, пазави кумоў, и пирякстимъ!— Ну, какъ мужикъ багатый, то и скупой, и гаво-рить жанѣ:— „Нѣтъ, жанушка, мы ни такъ сдѣлаимъ: ежили зазави кумоў, да зазави многа народу, то будить намъ многа страты,— а луччи мы здѣлаимъ вѣ такъ: пайду я къ священ-нику и пазаву ято аднаго къ сабѣ ў домъ,— іонъ у нась пи-рихрестить, мы яго угастимъ, и будить намъ меншій сходу.“— А хазайка яму гаворить:— „Ахъ, ты то узду маў харашо, да ни такъ: будуть нась люди асуждать“.— „Ну, што дѣлать?“— га-ворить іонъ: „видь старая пасловица гаваритца: хуть глазамъ то стыдна, да живату-то радысна: намъ будить меньшій сходу.“— Ну, дѣлай, какъ хочишъ!— гаворить хазайка. Вотъ іонъ и га-ворить:— „Ну, пригатоўти-ка, што тутъ нужна, а я пайду за папомъ.“— Вотъ яны и стали пригатаўлять, а іонъ пашоў за папомъ. Приводить папа и гаворить яму:— „Ну, батюшка, пи-рихрасти мнѣ рабенка!“— А попъ гаворить:— А идѣ жъ твае-

кумы? — „А я кумоў ни зваў: пирихрастія такъ, — и большійничаво!“ — Попъ и гаворить яму: — Ну, ета будить стоить пять рублей! — Ахъ, якъ мужуку жалка паказалась, што попъ запрасіў пять рублей! Какъ схватіў колъ, да пупа па галавѣ — и забіў. Тада ўзяў яго, падкинуў падъ печку, патомъ сѣў. Сядить и думаеть, што тяперь дѣлать. — „Вазьму, пайду за другимъ папомъ!“ — Паѣхаў іонъ ў другоя сяло; привезъ іонъ другога пупа и гаворить яму: — „Батюшка, пирихрастія мнѣ рабёнка: нашига пупа нѣту дома.“ — Попъ и гаворить: — Ну, што же, можна. — А іонъ знаў ўпярёдъ, што ета мужикъ багатый и скучной, и гаворить яму: — „Ета, братъ, стоить десить рублей!“ — И пять стала жалка етыму отдать деньги. Ионъ схватіў колъ и етыга пупа убіў, да падъ печку; сѣў и думать, што тяперь дѣлать. — И гаворить: — „Пайду за третьтимъ!“ Вотъ толька іонъ хатѣў за третьтимъ папомъ Ѹхать, заходить къ яму прихожій салдатъ; іонъ и гаворить на салдата: — „Братъ, пирихрасті ты мнѣ рабенка!“ — Салдатъ сагласіўся; узяў съ дареўни куму ўдаву и павезъ рабенка; пирихрастіў; прижайтъ аттуда; іонъ и просить сасѣдніга мальчика: — „Зѣѣзи, братъ, пупраси священника!“ — Пріижайтъ священникъ на крезбины; вотъ начали пить да гулять; патомъ посли етыга заспоріў попъ зъ етымъ мужукомъ; іонъ схватіў колъ да и убіў етыга пупа. Патомъ сѣў и задумаўся, и гаворить етыму куму салдату: — „Братъ кумъ, пасаби ты мнѣ, — што вазьмешъ, — сняси куды нибудь етыга пупа!“ — А іонъ и гаворить: — Дай сто рублей: снясу! — „Ну, што дѣлать, за етымъ ни станить: няси!“ — Вотъ іонъ и гаворить: — „Ты иди за акно, а я табѣ яго падамъ.“ — Вотъ іонъ пашоў за акно, а мужикъ вытащіў папа съ-падъ печи и гаворить етыму салдату, свайму куму: — „Нѣ, братъ, няси, да сматри, штобъ назадъ ни зваратіўся!“ — Салдатъ узяў яго и панесъ у ряку, ўкинуў яго и патаціў. Патомъ пришоў къ етыму мужуку и гаворить: — Ну, што? ти пришоў? — А іонъ вытащіў другога съ-падъ печи и гаворить: — „Братъ, няси снова! іонъ ипять тутъ!“ — Ну, падавай! — гаворить салдатъ. Мужикъ яму падаў. Салдатъ знёсъ и приходить ипять и спрашітъ: — Ну, што? — А етысь хазянъ гаворить: — „Іонъ ипять тутъ!“ — Ну, давай, ипять панясу! — Іонъ атдаў яму и третътига папа. — Патомъ идеть іонъ аттуда и зашоў за скирду дроў, и гаворить сабѣ: — Што тутъ за такоя? дай пусматрю: ня

будить ли іонъ идить апять?“ — А подли етый скирды стыяў священникиў домъ, и захатѣлъсѧ етыму священнику прайдица; толька іонъ вышіў, а салдатъ яго увидаў и гаворить:—А, братюга, пупаўся! я тябе третій разъ нясу, а ты ўсё вылизашь!..“ Схватіў етыга пупа, патащіў ў ряку и затаціў. Патомъ приходитъ къ етыму хазяину, свайму куму, и гаворить:— „Ну, братъ кумъ, прауда твоя: я ня вѣріў, што попъ ўсё прихадіў, а я яго три раза насиў, а тяперь, братъ, павѣрю! Какъ жа іонъ мяне распатѣшіў! толька я яго третій разъ знесъ и затаціў ў ряку глубока, патомъ иду назадъ, и захатѣлась мнѣ схадить да вѣтру: я ишоў, ишоў: стаіть скирда дроў,—я туда зайдоў, пасматрю: идеть попъ. Я спрашію, што зѣ люди, а іонъ гаворить:— „Свае люди!“ — Я спрашію:— Хто ты такой?— А іонъ гаворить: „Я попъ!“ — А, батюшка, пупаўся!—Вотъ я яго схватіў зѣ-касы, притащіў яго, затаціў и колымъ засунуў глубока падъ кустъ“—Мужикъ и гаворить:— „Ну, братъ кумъ, тяперь ужъ іонъ назадъ ни зверотитца!“—Вотъ ети куманьки, мужикъ и салдатъ распрастились, абнялись, пацалувались, патомъ стали жить, да паживать, да добро наживать.

№ 10.

Якъ мужикъ съ цыганымъ деньги сѣили.

Какъ жіў адінъ мужикъ сильна багатый, и було у яго сильна многа ічолъ. Патомъ іонъ и завеў дружбу са аднымъ цыганымъ. Радила яго хазяйка, іонъ узяў яго кумымъ; патомъ часта углашаў яго мёдымъ, а такжа и вотачкій,—аднымъ словымъ, какъ браты радныя.—Ну, у цыгана, какъ ня кумъ, какъ ни пубратимъ, а ўсё дурацкія мысли, а ўсё думайтъ, какъ ба мужука абѣлатъ. Адинъ разъ и приходить къ мужуку;— „Здрастуй, кумъ!“ — гаворить цыганъ. — Здрастуй, здрастуй! — гаворить мужикъ куму свайму цыгану. Патомъ цыганъ и гаворить куму свайму мужуку:— „Вѣ, братъ кумъ, што я уздумаў, — гаворить цыганъ свайму другу: давай мы съ табою заеммёся аднимъ дѣлымъ!“ — Какимъ?— „А вѣ какимъ: будимъ мы съ табою сѣить деньги!“ — Мужикъ и говорить:— „Ну, давай, пасѣимъ!—Патомъ дажидаіть іонъ цыгана. Чризъ нѣскольки ўремя приходить цыганъ къ мужуку и гаворить:—

„Ну, братъ кумъ, вѣдь выбраў я ўремя: ежили мы пасѣмъ мѣрку денигъ, то будить двѣ или три.“ Вотъ яны пасѣли прежде нѣмнога, а патомъ цыганъ узяў да сваихъ яще прибавіў столька. — Назаўтрига приходитъ цыганъ къ мужуку и гаворить:— „Ну, кумъ, пайдемъ выбирать деньги!“ Вотъ яны пашли выбирать деньги: пасѣли адинъ гарницъ, а выбрали три. Патомъ мужикъ и гаворить цыгану, свайму куму: — „Ну, братъ кумъ, спасиба табѣ! падажди таперь: пасѣмъ болій!“ — А цыганъ гаворить:— „Ну, кумъ, дажидай мяне!“ — Мужикъ стаў ажидать, пакуда придетъ цыганъ. Приходитъ цыганъ и гаворить:— „Ну, братъ кумъ, сядовни будить ночь харошая: какъ ня можна болій пасѣмъ!“ — Вотъ мужикъ стаў такей радый: вынисъ ўсю сваю казну,—вѣдь и пасѣли. — А цыганы ѿужъ животъ забалѣў, и гаворить мужуку: — „Братъ кумъ, сматри самъ, а мыя ужъ нѣмычъ: триханула мяне ѿсяго ў дрожъ.“ — Патомъ мужикъ легъ спать, а цыгану ужъ паздаровила: пашоў да деньги еты падабраў. — Назаўтри мужикъ устаў и гаворить: — „Нѣшта майго кума ни слыхать!“ — Приходитъ цыганъ и гаворить:— „Ну, братъ кумъ, кажитца, што наши деньги прыпали! Сядовни ѻсю ночь такая сухавѣца. Пайдёмъ-ка, пасмотримъ!“ — Пашли яны сматрѣть, а денигъ нѣтъ ни капѣйки. — Мужикъ завыў и загаласіў, и гаворить цыгану:— „Ну, братъ кумъ, вѣздѣлаў ты мнѣ!.. Што таперь дѣлать?—Вазьму удаўлюсь или утаплюсь!..“ Мужикъ и жисть сваю кончіў, а цыганъ пайхаў дамой, стаў жить да паживать, да ѿ мужукоў варувать.

№ 11.

Деревня Проверженка Ельинскаго уѣзда.

Якъ попъ абманіў Тараса аднажды, а Тарасъ яго дважды.

Жіў мужучокъ бѣдный, и была у яго жина, а дятей ни было. Прижіўся да тога, што хлѣба купить не за шта. Была у ихъ карова.— „Ну“, гаворить мужикъ.— „Жонка, пувядѣмъ, прададимъ корову да хлѣба купимъ.“ — Павѣў мужикъ карову прадавать. Ёдти священникъ съ причетымъ зъ горыда, сустри-кайтца зъ етымъ мужукомъ: „Здароў, Тарасъ!“ — Здароў, батюшка.— „Куды ты ета казу вядешъ?“ — Батюшка, ета жъ карова! — „Нѣтъ, свѣтъ, ета каза: вунъ и дяканъ скажить.“ —

Дяканъ гаворить: — „Ета каза!“ — Мужучокъ етый асуміўся. Попъ гаворить: — Братъ Тарасъ, прадай мнѣ ету казу — вотъ табѣ 3 рубли! — Нечига дѣлать мужучку: іонъ узяў и прадаў ету карову замістъ казы за 3 рубли, и нашоў двору. Гаворить на жану: — „Икая ты глупыя: замісь каровы казу забратала!“ — Жонка на яго напустилыша: — „Што ты, съ ума сайшоў?!.. Козы уси дома, а каровы нѣтути...“ — Ну, баба, што дѣлать?! я прадаў священнику, — якъ нибудь апосля разбяремся. — Даў Богъ другоя скрысення. Ёдитъ Тарасъ у горыдъ, и знайть, што священникъ са сваимъ причетымъ зайдеть у трахтиръ абѣдить. Падгаваріў іонъ трахтирщика: — „Я выпью и закушу на грининикъ, а ты гавари, што на сто рублей.“ — Еты причетники сидять у другимъ нумири и гаворють: — „Вѣ мужикъ Тарасъ: за адінъ абѣтъ сто рублей правеў! Ета жъ мы у читвяромъ и то — рублей 10 правядемъ, а іонъ сто рублей!..“ Глідять яны у дирку: чимъ ета будить Тарасъ расплачиватца. Тарасъ якъ ташить калпакъ аршина у $1\frac{1}{2}$, уносить у трахтиръ. Ударіў разъ па калпаку: — „Што, трахтирщикъ, заплочина?“ — Заплочина. — Попъ ета видить и дивитца съ причетымъ. Другей разъ ударіў Тарасъ па калпаку — да звиданія. Третыі разъ ударіў, — гаворить трахтирщикъ: — „Ну, маладецъ, Тарасъ: платить умѣшишъ.“ — Священникъ и гаворить: — „Рибяты-причетники, купимъ у Тараса етый калпакъ: іонъ намъ будить нада: у насъ жодную паѣздку будить дармавэй абѣдъ у трахтири. Ну, дякынъ, ты клади 25 рублей, дячки паложутъ умѣсти 25, а я адінъ 50: за 100 рублей, можа, прадасть калпакъ.“ Тарасъ ёдитъ дамой, даганяить яго священникъ: — „Што, Тарасъ? Прадай етый калпакъ намъ: етый калпакъ насъ будить вызваляль. Што ты за яго вазьмешъ? Мы табѣ, Тарасъ, дадимъ 50 рублей сирябромъ.“ — Нѣ, батюшка, ни какъ нильзя атдоўськая благаславення пакидать: хуть жа разъ злучитца у горыди бытъ, дакъ папю — пагуляю. — „Ну, паслухай, Тарасъ: вотъ табѣ 100 рублей сирябромъ?“ — Нѣ, ужу, батюшка, када хочите купить, дакъ прадамъ за 150 рублей. — „Ну, причетники, купимъ сичасъ, а то хто нибудь дарожи дастъ.“ — Купили етый калпакъ за 150 рублей. Пріезжайть Тарасъ двору и гаворить на хазяйку: — „Ну, хазяйка, браницы ты на мяне, што я замѣста казы карову прадаў, — прадаў и я свой калпакъ за 150 рублей.“ — Тарасъ етый троху пуправіўся жить. Священникъ даждайтъ праздника,

штоба ъхать у горыдъ на дармавэй абѣдъ. Паѣхали яны и зъ жонками, и зъ няньками, и зъ дятьми у горыдъ. Заказали трахтирищку: — „Дай-ка намъ на 200 рублей папить-пагулять!..“ Трахтирищикъ гатоў: падаў на 200 рублей. Якъ паѣли:— „Ну, гаспадинъ священникъ, пажалуйся и ращотъ!“ Батюшка вылезть:— „Сичась, гаспадинъ трахтирищикъ!“—Принесъ панамарь зъ двара калпакъ. Священникъ якъ ударіў:— „Ну, ти ў ращоти, трахтирищикъ?“—Не-е, попъ, падай деньги!—Сичась попъ атдаў дякану бить: дяканъ біў, біў, — усё ращотъ спрашіютъ. Уси етый калпакъ били, а ѿсе ращотъ спрашіютъ. Стали складыватца, заняли денигъ и заплатили у трахтири. Таасъ еты деньги года за два спустіў, гаворить на хазайку:— „Што, ба-ба? Умирай-ка ты, а я паѣду за свяшэнникымъ; я яму скажу:— „батюшка, пажалуйся съ пакаяніемъ: мая хазайка низдарова.“— Пріезжаить къ священнику. Батюшка и пытаить: — „Ну, што ты пріѣхаў?“—А што, батюшка, пажалуйся съ пакаяніемъ: хазайка умираить. Сабраўся попъ и паѣхаў съ Таасымъ. Пріезжаютъ. Хазайка ужу умерла и ляжить на кутѣ прибраная:— „Вотъ, батюшка, благаславити-ка вы мяне! у мяне юсь старинная дубина, (ища кали свѣтъ зачинаўся): я сваю жонку три раза ударю, дакъ ина атживитца.“— Ну, гаворить попъ: када ета ища ать старыхъ атцоў, то благаслаўляю!—Батюшка зъ вотарапу вышіў у сѣнцы, а Таасъ примѣръ здѣлаў: жану юнъ ня біў, а ударіў па лаўки вока-ла яе три разы — ина замичѣла. Якъ батюшка быў чилавѣкъ добрый, то абрадаваўся, што чилавѣкъ атживіўся. Уходить у хату: ина ужу сядить на лаўки и пакиваваитца; тутъ ей дали вадицы халоднинькій напитца. Ина стала ачухаватца; батюшка публа-гадаріў яго за ета и паѣхаў дамой. Пріѣхаў дамой и пириска-зыть свайму причету злучай, што при имъ злучіўся.— „Какъ ба намъ ету дубину купить: якъ мы на похараны ъздимъ, то мы етыю дубину атживали ба міртвяцоў. Складёмся мы и купимъ у яго дубину.“—А вы, батюшка, зъѣздите, патаргуй-те. — „Нѣ, паѣдимтъ уси туды.“— Пріезжаютъ яны къ етыму Таасу.— „Што, Таасъ, прадаси намъ тую дубину, што людей атживаваить?“—Прадамъ.— „Што ты за яе вазьмешъ?“—Ахъ, ба-тушка, дайся 500 рублей.— Ну, яны и радютца: „Я“, гаво-риТЬ попъ: „адинъ палажу 250 рублей, а вы, причеть, у тра-ёмъ 250.“—Атдали деньги и дубину съ сабою узяли. Только яны пріѣхали дамой, пріѣхаў къ имъ купецъ багатый:— „Ба-

тюшка, у мяне сянни жина пумирла: пубизпакойтися тѣла схаранить.” — Сичасъ, гаспадинъ купецъ, пріѣдимъ. — Сабрались яны ъхать и узяли ету дубину съ собой. Пріизжаютъ, ляжть на сталъ тѣла. Гаворить попъ на дякана: — „О,— о, мы яе атживимъ! Няси-ка, панамарь, дубину!” — Купецъ ета глядить, на што ета панамарь дубину нясетъ. Удали три разы яе — ни ’тжіўляйтца. Сродствинники далажили абъ етымъ купцу. Купецъ стаў на ихъ жалитца, што тѣла пабили. Папоў етыхъ пубрали на судъ да спраўки дѣла.

Отъ старика Евдокима Хатуля.

№ 12.

Якъ папоў батракъ пупадъдю праўчіу и дьякана, яе спалюбоўника, и пупа нашотъ пупадъди образуміу.

Въ нѣкатарамъ царстви, въ нѣкатарамъ гасударстви, ня иминна ў томъ, у каторымъ мы живемъ, жіў попъ. Вотъ нужинъ быў яму работнікъ; вотъ идеть прахожій чилавѣкъ, и гаворить: — „Батюшка, я слышаў, што вамъ нужна работника.” — Да, нада. — „Ну, наймите мяне!” — А какую плату табѣ дать, прахожій чилавѣкъ? — „А сто рублей, батюшка”. — Да какова ўремя? — „А пакуда за печкую тиляты замычать!” — Попъ думаў, думаў, какія ета тиляты; патомъ и гаворить: — „Ну, такъ и такъ”. — Вотъ іонъ яго наняў; патомъ и гаворить: — „Ну, братъ, паѣдимъ у поля пахать”. — Вотъ яны ъдуть на цѣлую нядѣлю пахать. (А работнікъ знаў, што дякынъ живеть съ пупадъдёю). Вотъ яны пахали, пахали цѣлый день; патомъ приходить ночь; атпрятгли лашадей, паужинали; попъ лажитца спать, а работнікъ сядить. Попъ и гаворить: — „Што жа ты ни лажистя?” — А іонъ атвичаіть: — „Нѣтъ, батюшка, мнѣ нельзя спать.” — Чаго такъ нильзя? — А іонъ яму гаворить: — „А у меня палunoшница.” — А іонъ гаворить: — Ахъ, Божа мой, якъ мнѣ тябе жалка! — День работаў, работаў, и ночь ни спать! — Ну, што дѣлать, батюшка! — Толька попъ заснуў, а работнікъ, за што наняўся, тога и сматріть. Садитца на каня, и паѣхаў дамой; пріизжайт дамой, а дякынъ съ пупадъдёй пирують. Іонъ пасматрѣў у вакошка и давай стучэть: — „Атварити-ка мнѣ”.

Пупадъя и спрашітъ: — Хто тамъ такей? — „Я, работнікъ вашъ“. — Пупадъя и гаворить: — „А, дяканька мой, куды мнѣ тябе дѣть? — Пализай ты падъ полъ“. — Вотъ іонъ уходить у хату и гаворить: — „Ахъ, къ какому я бизпакойнаму папу на-няўся: день работай, а ночь на спи! Вялѣў мнѣ, чтобы я печку выташіў и тилять напаіў“. — А ёдь ты, ёдь: я сама напаю. — „Нѣ, матушка! пущай на грѣхъ будить пубажитца, што я сваё справіў“. — Вотъ іонъ заташіў печку, нагрѣў поила и давай ти-лять пашть. Вотъ іонъ паіў, паіў, и пупаўся яму дяканъ. Вотъ, іонъ какъ саскrebъ яго за гриву, ужъ іонъ яго тапіў, тапіў, абпачкаў яго ўсяго ў пойла, а самъ вышіў и смотрить падъ вакно. Вылизаіть дяканъ съ-падъ полу и гаворить: — „Вѣдь, на-няли работника, какога бизпакойнага“. — Работнікъ и паѣхаў ипять у поля. Пріїжаіть къ свайму мѣсту, къ шалашу, попъ спить, и іонъ легъ спать. Назаўтрига устаетъ попъ и будить работника: — „Ну, братъ, уставай: будимъ пахать“. — Работнікъ устаетъ и начинайти пахать. Вотъ яны пахали ипять да вечира, атпрягли коній, паужинали; попъ легъ спать и гаворить: — „Ну, братъ, лажись, да спи!“ — Нѣтъ, батюшка, вы знаітъ: у мяне палунощица! — Попъ заснуў, а работнікъ ипять паѣхаў, прі-изжаіть дамой; стукъ, стукъ, падъ вакно и гаворить: — „Ат-твари, матушка!“ — (А дяканъ ужъ тамъ). Ина и спрашітъ: — „Хто тамъ такой?“ — Ионъ и гаворить: — „Ета я, работнікъ!“ — Што ты пріѣхаў? — Ина и гаворить: — „А, дяканька, ты мой, а йдѣ жъ мнѣ тябе дѣть? Лѣзъ на горницу, да ўлѣзъ у мя-шокъ!“ — Вотъ іонъ узлѣзъ на горницу и ўлѣзъ у мяшокъ. А работнікъ уходить у горницу и гаворить: — „Ахъ, къ какому я бизпакойнаму папу на-няўся: день пашимъ, а ночь упраўляй-ся!“ — Ина и спрашітъ: — Што жъ іонъ табѣ приказаў? — „Да какъ жа, што? — Вялѣў узлѣзть на горницу и пирищітъ мяшкі съ перымъ!“ — Да я сама знаю, скольки ихъ тамъ. Паѣзжай ты у поля! — „Нѣтъ, матушка, ніхай мнѣ на грѣхъ будить пубажитца, што я сваё справіў“. — Вотъ іонъ палѣзъ на горницу, и давай ети мяшкі щітать, и пупаўся яму мяшокъ, ідѣ сядѣў дякынъ, — вотъ іонъ яго збросить, збросить абъ землю, да й ипять уста-щітъ, патомъ пирищітаў и ипять паѣхаў у поля. Вышіў за вароты и смотрить падъ вакно: уходить дякынъ, увесь избитый, и гаворить: — „Вѣдь, на-няли работника, какога биз-пакойнага: яму и ночи нѣтъ“. — Пріѣхаў работнікъ ипять

къ свайму мѣсту и легъ спать. Назаўтрига попъ и будить работника: — „Ну, братъ, уставай, — пара пахать!“ — Пахали; пахали ипять да вечира, патомъ атпрягли коній и лягли спать.—Работникъ ипять устаў, съў на каня и паѣхаў ипять дамой. Вотъ іонъ стукъ, стукъ у вакошка и гаворить:— „Матушка, атвари!“ — А ина гаворить:— „А, дяканька мой, куды жъ мнѣ тябе дѣть? Вазьми, лѣзъ за печку!“ — Вотъ ина яго схувала; патомъ и спрашішь:— „Хто ета тамъ такей?“ — А іонъ атвичай:— „Ета я, работникъ вашъ!“ — Што ты пріѣхаў?— „Да какъ жа, матушка, какой вашъ бизпакойный попъ: самъ ляжить спать, а мяне пасылай печку вытапить, вады нагрѣть и ўсѣхъ прусоў за печкаю павыварить!“ — Паѣзжай ты, спи: я ўсё падѣлаю.— „Нѣтъ, матушка, пускай мнѣ ня грѣхъ будить пубажитца, што я сваё справіў“. — Вотъ іонъ затапіў печку, нагрѣў вады и давай прусоў заваривать: абваріў усяго дякану; а самъ пашоў и стаў падъ вакошкымъ. Дякынъ вылизъ изъ-падъ печки и гаворить: „Ну, я таперь досыть хадить къ табѣ за такимъ машеникымъ: ета ни работникъ, а ета машеникъ: іонъ мнѣ ни йдѣ ни даеть спакойна спрятатца. А вотъ, што табѣ скажу: заўтри я паѣду пахать, а ты мнѣ приняси абѣдать!— „А йдѣ мнѣ тябе найти?“ — А я буду пахать падъ бярезникымъ на пѣгымъ кани.“ — А работникъ ета и слышить; патомъ и паѣхаў ипять на мѣста, легъ спать и заснуў. Назаўтрига попъ устаеть и будить: „Ну, уставай: давай пахать“ — Ипять пахали; патомъ и гаворить:— „А што ты, батюшка, знаишъ?“ — А што?— „Сядовни намъ матушка принѧсь палуднавать!“ — А пачемъ ты знаишъ?— „А я видіў часъ“. — Вотъ приходить дѣла къ палудню, а іонъ пахаў на вараномъ кани; вотъ іонъ узяў да збросіў съ сябе далоў штаны, падпаясаў лошадь и здѣлаў яе пѣгую. Вотъ ина идетъ и нясесть абѣдать дякану. Глядѣла, глядѣла съ краю, идѣ пашуть на пѣгымъ каню; патомъ идетъ пряма къ имъ. Патомъ іонъ и гаворить:— „Во, батюшка, вить намъ матушка палуднавать нясесть: мой сонъ збыўся!“ — Вотъ ина падходитъ ближи, пасматрить: ни дякынъ, а попъ, то ужъ ей некуда диватца; ина приносить пряма къ имъ и плачить, а попъ спрашішь: — „Што ты ета сядовни ўздумала пра насъ?“ — А ина гаворить:— „А, батюшка, сядовни маей матушки день, то я принисла къ вамъ атслужить панаходиду“. — Вотъ іонъ и гаворить на батрака:—

„Схади-ка за дякынымъ“. — Вотъ іонъ пришоў къ дякыну и гаворить яму: — „А што ты, дякынъ, знаишъ?“ — А што? — „А вить попъ знать, што ты съ пупадьдёю живешъ!“ — Патомъ пашоў къ папу и гаворить: — „Нѣ, батюшка, найдеть: іонъ гаворить, штоба вы пришли!“ — Вотъ іонъ пашоў за дякынымъ, а работникъ гаворить: — „Батюшка, вазьми палку, а то яго сабаки укусють тябе.“ А дякынъ, якъ увидіў, што попъ идетъ съ палкую, думаў, што ета яго попъ идетъ бить за то, што съ пупадёй живеть, — да какъ пуститца на ўходъ, а попъ гаворить: — „Дяканъ, дякынъ, падажжи! што ты ета збясіўся?“ — А іонъ гаворить: — У тябе мысли дурнэя! — Попъ пришоў и гаворить: — „Дяканъ нашъ, знать, ашалъў! я кричу: падажжи! а іонъ уходить, якъ воўкъ. — Ну, што дѣлать? я и адінъ атслужу!“ — Вотъ, што дякану несина, то попъ зъ работникымъ усё пакушали за здароўя дякана. Вотъ яны ў субботу пріѣзжають дамой; назаўтра нада служить абѣдню. Попъ пашоў служить, а дякынъ ня думайти: бантца папа.

Вотъ аднажды пупадьдя пашла ў калодись вады братъ, пришли и другея бабы, и пашли у ихъ тамъ разгаворы, а работникъ упяредъ адну ўдаву падгаваріў, штобы ана ей рассказала, чѣмъ ихъ истребить; вотъ ина и гаворить: — „Матушка, у мяне іость такея капли, что ежели даси ихъ, то яны атъ аднаго аглохнуть, атъ другога аслѣпнутъ, а атъ третьига падохнутъ.“ — Вотъ ина и гаворить ей: — Ахъ, мая ты галубушка, дай мнѣ етыхъ капель! — Баба гаворить: — „Матушка, я дарма ни дамъ.“ А што вазьмеш за ихъ? — „А толька сто рублей!“ — Пупадьдя вынула и отдала; вотъ ина приносить вады и гаворить папу: — „Батюшка, я вамъ сядовни нагатую, чаго вы хотите?“ — Ну, гатуй! — А работникъ гаворить папу: — „Батюшка, паслушайтэ мяне, что я буду дѣлать, то и вы дѣлайтэ“. — Ну, харашо! — сказаў попъ. — Вотъ ина засадила ихъ за столъ, давай имъ падавать, да ўсё еты лікарствы такъ и падсыпайти. Вотъ яны аслѣпли; ина паставила другоя, то яны аглохли. Кричать адінъ на другога. А ина гаворить: — „Ну, слава Богу!“ — Паставила третія, а яны ъли, ъли и завалились, а ина зъ радости заскакала, сняла са стала, што яны ъли, заслала чистую скатярётку, пубижала зъ радости за сваімъ дякынимъ, привила и гаворить яму: — „Во, што хатѣла, то й падѣлала!“ — Вотъ яны сичасъ начали пить, гулять;

пили, пили; гуляли, гуляли; а патомъ саскrebъ дякынъ пупадьдю и пувалокъ за печку и замичѣли, якъ тиляты. Тады работникъ и гаворить:— „Батюшка, тиляты мичать за печкю.“— Работникъ ускачіў, попъ ускачіў: во й давай тянуть ихъ аттуда. Вотъ попъ дякана біў, біў, и валасы ўси пупавырваў. Тада работникъ и гаворить папу:— „Ну, батюшка, я жіў у васъ и служіў вамъ; таперь ужъ мнѣ пажалуйтэ ращотъ“.— Вотъ попъ узяў: работника ращитаў, пупадьдю прагнаў изъ дому далоў, а самъ стаў жить, да паживать, да дабро наживать. Я тамъ быў, медъ—вино піў, па губамъ тякло, а ў ротъ ни пупала; дали мнѣ калача, куда-то памача; я быў смѣль, узяў да й зѣў.

№ 13.

Якъ мужикъ свайго батюшку паднадѣй.

Въ нѣкаторымъ сялѣ быў священникъ очинъ сярьдитый, и магаришлый, и багатый. Вотъ адінъ быў мужикъ, и такой іонъ быў шутъ и такой машеникъ. — Патомъ адінъ разъ што-та быў гадавой празникъ; вотъ іонъ и приходитъ ў церкву, пумаліўся Богу (а дила сваи іонъ ужъ абстряпау). Патомъ посли абѣдни падходить іонъ къ папу и гаворить: — „А што, батюшка, ти грѣхъ ета, што я здѣлаў?“— Ну, што?— гаворить попъ.— „Да вѣ што: я выгнаў съ паповыга гароху свинью.“— Вѣ дуракъ: ну, какой жа ета грѣхъ, што ты папу здѣлаў пользу,— ета братъ ящо табѣ дажа спасиба!— Да патомъ ящо гаворить:— „Вѣ што, батюшка! што я съ паповыга калидору ваўка выгнаў?“— Всё дуракъ! гаворить попъ: ета жъ какой грѣхъ, — ета ты мнѣ то-жа пользу здѣлаў: іонъ бы жъ тама паѣў мой и скотъ, и дятей, и ўсѣхъ ба маихъ дамашнихъ паразагнаў!... За ета, братъ, тожа спасиба!... Патомъ гаворить:— „Да вѣ што ящо, батюшка, хатѣў я вамъ сказать: только я прихажу ў церкву, и увесь народъ стаіть, а шаптуны такъ и шепчутъ: то ти грѣхъ, што я ихъ выгнаў?“— Ионъ и гаворить: Во мужикъ, значить, дуракъ: ну, какой жа грѣхъ, съ Божжій церкви выгнаныя нячистую силу?— Ета ты, значить, палучіў сабѣ спасеніе!... Вотъ попъ яму ўсё прастіу, патомъ и цашоў дамой, раздѣўся, и садітца іонъ абѣдать, и ў яго быў ў домі

гость, и съли аны ўси абѣдать. Попъ и гаворить на пупадьдю: — „Намъ няси гавядины паѣсь“. — А ина и гаворить: — Я тамъ кидала у гарохъ свинину, — будите ли вы ле ъсть, или нѣтъ? — А іонъ гаворить: — „Давай!“ — Вотъ ина пубижала ў кухню, цапъ у гарщокъ: нѣту той свинины; тутъ ина и давай на работницу шумѣть; патомъ приходить у горницу и гаворить пану: — „Мой ты папочикъ, я кидала у гарщокъ свинину, а патомъ ле и нѣту; — я ни знаю, хто ле утащіў.“ — А попъ кусь самъ себе за языкъ: — „Ну, — гаворить, — пупадьдя, ты сваю свинину ни спрашій: ле утащіў такей-то и такей мужучокъ, и яму прастіў“. — Патомъ тотъ гость и пубижала у калидоръ, а тамъ лижала ваўчиная шуба, и шубы той нѣту: — „Ну, братъ“, гаворить попъ на тога гостя: „а ты, братъ ни спрашивай: я й тваю прастіў“. — Патомъ яшо адінъ памѣщикъ у церкви хватъ у карманъ, хатѣў пасматрѣть, каторый часъ, а часоў и нѣту. Тутъ стаў такой розыскъ, а попъ гаворить на етыга памѣщика: — „Ну, братъ, и ты не ищи сваихъ часоў: ў насъ ў сядовнишній день ў трахъ вышла прапажа, то я ўсю прастіу и разряшіў, а нашимъ вешамъ: свиньни, ваўку и шаптунамъ, ўзврату ня будить!..“

№ 14.

Абъ паповымъ батракѣ.

Какъ жіў адінъ попъ, такей чилавѣкъ быў добрый, благадѣтельный, а пупадьдя была лихая. Вотъ іонъ искаў, искаў, сабѣ работника, никакъ ня могъ найдить, патому што пупадьдя была лиха. Патомъ адінъ сусѣдъ яго приближній и гаворить: — „Ну, батюшка, я вамъ, якъ близній сусѣдъ, то я уважу васъ: вазьмите майго сына къ сабѣ ў работники, — только ў такомъ палаженіи, чтобы ваша хазяйка ни могла въ ёмъ распаряжатца.“ — Ну, такъ што жъ? ета можна, са ўсѣмъ удавольствіемъ. — Патомъ и гаворить: — „Ну, сматри, пупадьдя, ў маймъ работники ты ни распаряжайся!“ — Вотъ етыму работнику такъ харашо была. Патомъ приходить осинъ, нужна ъхать у калядѣ. Попъ и гаворить на работника: — „Ну, братъ, запригай лошадь: мы пайдимъ съ табою у каляду!“ — Вотъ яны ъздили, ъздили; абнила ихъ начъ, и гаворить священникъ: — „Нужна праситца

на нашлегъ. Вотъ іонъ, канешна, какъ священникъ, ни мужику чита: пріѣхаў къ багатому мужику и гаворить:— „Пусти нась на нычъ!“ — А іонъ и гаворить: — А, миласти просимъ! Вотъ яны заначували. Ну, канешна, священнику тамъ ужъ была угашенія харошія, а на работника и пазабыли; іонъ пашоў убіратъ лашадей, а яны ужу лягли спать. Приходитъ работникъ, и паѣсь ничига, патомъ и легъ спать на ъмши. Лижаў іонъ—лижаў,—на спитца, хочетца паѣсть: вить кишки на свой братъ, на ъмши на будить; іонъ устаў, идеть къ папу и гаворить:— „Батюшка, я дужа ѿсь хачу!“ — А што я табѣ дамъ? Иди-ка, пасматри: на печки утворинъ хлѣбъ,—яго ты и падъѣшъ“. — Вотъ іонъ и палѣзъ на печку, открыў дяжу, искаў, искаў ложки—ни нашоў, и давай ѿсть горстю; увесь пубмазаўся, слѣзъ аттуда и гаворить папу:— „Батюшка, што мнѣ дѣлать? я увесь пубмазаўся!“ — А попъ видаў, што висить рукамойникъ дли парогу,—вотъ іонъ и гаворить:— Иди: дли парогу висить рукамойникъ,—ты иди и вымыся! — Вотъ іонъ пашоў къ тому рукамойнику, а тамъ ѿ абитику чистый дегать; вотъ іонъ удѣлъ туды руки, а оттуда на выдинить. Ужъ іонъ насіўся, насіўся съ естымъ абитицкымъ: ни знать, што яму дѣлать. Патомъ уздумаў: сяредъ избы стаяли маслабойныя жорны; іонъ и гаворить самъ сабѣ:— „Пайду да разабью абъ каминъ етытъ абитицкъ!“ — Падходитъ іонъ къ етимъ жорнамъ, пасматрить: бялѣнца каминъ на жарнахъ. То іонъ у патёмку ни разсмотрѣў харашенька: думаў каминъ, а тамъ лижаў лысый стариkъ. Во іонъ падашоў, да какъ ляпнить етыга старика па лысини: Божа мой, етытъ стариkъ какъ ускочить, какъ справить крикъ! Етому работнику некуды диватца: какъ бяжить къ папу и гаворить:— „Батюшка, пайдимъ дамой, у нась тамъ нисчастя!“ — Попъ скарѣй ускочіў и кричить на работника:— „Праворній запригай лашадей: пайдимъ дамой!“ — Вотъ яны какъ сѣли, какъ паѣхали. Патомъ работникъ и гаворить папу: — „Ну, батюшка, я вось спадманіў: у нась дома усё харашо, а толька я сдѣлаў ниблагапалушна“. — Чимъ жа такъ?— „А во чимъ: какъ захатѣў я ѿсть, искаў, искаў паѣсть — нечива. Утворинъ быў хлѣбъ, я искаў, искаў ложку—ни нашоў, я и давай ѿсть горстю: абмазаўся увесь. Висѣлъ рукамойникъ, я хатѣў вымыть руки: думаў вада, а тамъ дѣгать. Усадіў я туды руки, а аттуда и на выну; я стаў исказь, ба што мнѣ яго разбить. Стыали сиряди

хаты жорны, а на тыхъ жорнахъ спаў лысый старикъ. Я падашоў, хатѣў разбить абъ жорны, да какъ ударю етыга старика па лазбяню: іонъ закричѣў, да какъ справіў пиритряску!“— Вотъ попъ и гаворить на работника: — „Ну, братъ, спасиба табѣ, што ты такъ здѣлаў, а то бы тамъ наась задержали и лашадей ба нашихъ атпрягли, а таперь, слава Богу, мы дома.

№ 15.

Якъ попъ казломъ здѣлаўся.

Якъ жіў мужикъ бѣдный, и была у яго мать—старушка старенькая. Какъ помирла яго матка, то іонъ приходить къ батюшки: — „Идѣ прикажите, батюшка, магилку выкипать?“— А іонъ гаворить: — „Моспане, на кладбищи, падъ рябиной.“— Мужикъ стаў капать магилку и вырыў катяловъ съ деньгами; іонъ ибрадываўся дужа: будить, чимъ матку схаранить и чимъ справить похараны.— Послѣ пахаронъ зазваў батюшку на абѣдъ; попъ видить, што похараны спраўляются, якъ у багатаго мужика, и гаворить: — „Скажи ты мнѣ, братъ, аткуда у тябе деньги?“— Мужикъ разсказаў папу усю праўду. — Пришодши дамой съ абѣду, попъ и гаворить на пупадъю: — „Ну, моспаня, вяди казла рѣзать!“— Привела пупадъя казла, попъ казла зарѣзаў, мяшкомъ кужурину аблупіў и съ рагами, потэмъ надѣўши на сябе кужурину, и приходитъ вечирамъ къ мужику падъ акно, атчиніў и рукою грекъ, грекъ. Мужикъ такъ и аbamлѣу атъ испугу: — „Хто ты?— „Чортъ.“— Что табѣ нада?— „Атдай катялокъ денигъ, што нашоў!“— Мужикъ думайтъ: — Нада атдать!— и атдаў. Приходитъ попъ дамой, — стаў скидыватъ шкуру, а шкура и прирасла къ яму. Тады матушка панисла деньги мужику: — „Нѣ, братъ, назадъ твае деньги: за ихъ наказаў Богъ дужа батюшку.“— Послѣ тога попъ и кужурину казлинью сняў, а было казломъ застаўся.

№ 16.

Какъ попъ тяліўся.

Попъ піў малако силна. Іонъ пашоў у баню. Пупадъдя и гаворить папу, кали іонъ съ бани пришоў: — „Батюшка, ня пейти малако, а то вы телитись, када будите пить болій.“ — Попъ ни няліўся, а, пришедши зъ бани, стаў яще болій пить малако. Забурчъло у яго у живатѣ. Тады попъ служаўся: — „Пайду у чужоя сяло; а то стыдна будить, кали тяліўся у сва-емъ сялѣ.“ — (Попъ падумаў, што спрѣдитца, што пупадъдя сказала). Бѣгши, попъ найшоў на задавленника, а цапаги у тога задавленника такія чудесныя. Давай скидывать цапаги — ня лѣзуть; тады попъ и узяў и атреўзаў ихъ съ нагами, уварнуў ихъ и у рясу и приходить на дяреўню. — Мужикъ пустіў пупа на нычъ; попъ палѣзъ на печку, распрыануўся и легъ спать. У то уремя у ихъ карова тялилась ноччу: попъ ужу уснуў, када къ яму палажили тяленка. — Ноччу іонъ прашнуўся, видить ли сябе тяленка и дивитца: — „И ни замѣтіў, якъ тяліўся!..“ Прибѣгши дамой, и гаворить: Во, матушка, тяліўся — и ня ўчуў! А тутъ хазяева устали и гаворють: — „Што ета пупа нашига ня слышна!.. Идѣ жъ ета нашъ попъ?“ — И гаворють: — Што ета ноги лижать ли теленка? — Тяленыкъ, ета ты нашига батьку зѣў? — А тяленыкъ: Ми, ми! — Нѣтъ, ня ми, а ета ты нашига батьку спатрябіў, никакінній!..

№ 17.

Бѣльскій уѣздъ, село Шоптово.

Якъ панъ атняў у мужика пирохъ да гуся, а мужикъ за ета трожжи набіўся пана.

Ишоў мужикъ па дороги, ёў пирохъ да гуся. Ёхали паны.
— Мужикъ, атварачивай!

А мужикъ варатить морду па старанамъ, а съ дороги ня йдеть. Астунувались лошади: мужикъ ни даётъ имъ ходу, а зваратить нильзя: абапаль канавы.

Баринъ атвичаіть на кучира:

— „Саскачи, пасматри, што ета за мужикъ такей съ да-
роги ня йдеть.“

— „Етыъ мужикъ ни прастой, а ёсть пирохъ да гуся!..“

— „Атыми, братъ кучиръ! и я хачу пирага да гуся.

Кучиръ узяў атняў у мужика пирохъ да гуся.

— Помни, баринъ! атняў пирохъ да гуся—я тибе трожжи набьюся!

— „Кучиръ, што іонъ гаварить?“

— А вотъ, што гаварить: Помни, баринъ! атняў пирохъ да гуся—я тибе трожжи набьюся!

— „Паганай, кучиръ! ня слухай, што мужикъ гаварить.“

Пріезжають дамой, съѣли панъ съ кучирамъ пирохъ да гуся.

Мужикъ барина знать, а баринъ мужика ни знать. Удрухъ мужикъ узяў пилу и идетъ у гасподскій домъ наниматца рѣзать калодья, и выходить стараста:

— „Ти пильщикъ ты, братъ?“

— Да пильщикъ!—(А самъ у руки пилы ни браў).

— „А можишъ ты мнѣ десить пилъ сабрать народу?“

— Магу.

— „Пайду, къ барину схажу, пириталкую“...

— Што, баринъ, пришоў къ намъ пильщикъ. — Ти ни пара намъ калодья у лѣси парѣзать?“

— Даuno я думаю рѣзать. Пришли мнѣ мужичка етыва.

— „Ступай, мужичекъ, къ барину цану дѣлать абъ калодью!..“

Мужичекъ приходить.

— Здрасцуйте, ваша блугородіе!

— „Драстуй! Можишъ калодью нарѣзать?“

— Магу.

— „А што, братъ, какую ты вазьмешъ цану рѣзать калодью?“

— Мы паѣдимъ у лѣсь: тамъ ужъ, баринъ, цану будимъ дѣлать.

— „Я пашлю старысту съ табой“.

— А то, баринъ, паѣдимъ умѣсти: я у тибе буду за кучира.

— „Да и праўда: чимъ яво таскатъ, луччи у дваихъ паѣдимъ.“

— Прикажите старысти запречъ лошать и ўзять тапарокъ.

Ну, стараста запрѣхъ лошать, сѣў баринъ зъ мужикомъ и паѣхай у лѣсь. Пріѣхали у лѣсь, абліядѣли десить кучъ и па триста калодъ у кучи. Баринъ гаварить:

— „Теперь съчъ буду вагу.“

Мужикъ пашупалъ у канцу гнилеться.

— Какъ жа мы будимъ дѣлать цѣны?

— „Вотъ, баринъ, ты папробуй руку, ти прауда, што гнилая!“

Баринъ, какъ ня глупъ, а палѣзъ даставать гнилеться сваю рукой. Ну, іонъ вагу выдирнуу — руку и притиснула. И гаварить:

— Минъ ужъ руку нильзя вытинуть! Што ты ета дѣлаишъ?

А мужикъ атвичаить:

— „Баринъ, помни, какъ ты атнимаў широхъ да гуся, я казаў: трожжи набьюся! Разъ буду бить.“ — Пашоу мужикъ, выризау хлудецъ лазовый, давай яво снувать, скольки улѣзла. Патомъ набіўся и ушоу прочъ. — Кучиръ ждау, ждау и паѣхау зъ баринымъ у зыски. Пріизжай старыста. Баринъ гаварить:

— Куда я паѣду? Избитъ я увесь, и ящо абищантца избить етый прахаждай.

Узяу стараста — падсвириу канецъ ваги, вытинуу руку, привезъ барина дамоу бальнова. Извѣстна: бой ня медъ! Баринъ гаварить на старысту:

— „Пильнуй дахтарёу при дароги: ти ни знать яны, якъ mine папользовать?“

И ўдрухъ мужичекъ накупляу пузырькоу двадцать и идеть скроль гасподскій домъ; пузырьки навѣшины на шеи. И уходить старыста на вулицу:

— „Ти дохтарь ты?“

— Значить, дохтарь, када у mine разныи ликарства навѣшаны!

— „Пагади, братъ! я дайду, барину далажу.“ — Пришоу къ барину:

— „Дохтарь идеть па нашиму чистому двару, и ликарства у яго многа навѣшина на шеи!“

— Призави, братъ стараста, яго у домъ ка мнъ! — Стараста гаварить:

— Мужичекъ, ступай къ барину у домъ!

Приходить мужичекъ у домъ.

— „Можишъ mine папользовать: я очинь болёнъ.“

— Магу, баринъ! „Тапитка баню: мни тибе нада у бани лячить.“

Выташили баню, пувяли барина у баню; лакей да баринъ и мужикъ у траихъ пришли у баню. Пришли у баню, а вѣника нѣтъ.

— Што, баринъ, мы пришли, вѣника жъ нѣтъ—нада намъ вѣникъ: иди, лакей, за вѣникамъ дамоў!—Лакей пашоў тады. Мужикъ и гаварить:

— „Помнишь, казау, якъ атняў пирохъ да гуся, трожжи набьюся! Вить буду бить больна.“—Далека отъ дома узяў мужикъ барина дуть. Забіў ящо сильней, самъ и ушоў. Приходить лакей.

— Забіў тэй мужикъ—вязи на лашадяхъ!

Привязли ипять у домъ барина бальнова. Какъ лехъ баринъ, палгода лижаў. Стаял баринъ, слава Богу, пупраўлятца. Мужикъ ипять къ яму: наняў тройку лашадей бурыхъ—и ёдти скроль хутыръ.

— Ти жіў тей баринъ, што атняў пирохъ да гуся: я пріѣхыў, третій разъ набьюся!—И услышала дворня, што іонъ кричить ва весь городъ, пагнались за имъ, распустіши черныи крылья. Патомъ таго, скочіў у гасподскій закаулыкъ, а коній пустіў—яны всѣ за ими. Хутъ бы адінъ чилавѣкъ застайся у доми—толька баринъ. Онъ сичась шарпъ у харомы къ барину.

— Здрастуйте, баринъ! Ти жіў ты. Якъ атняў пирохъ да гуся, я казаў: трожжи набьюся.—Пачаў барина бить. Баринъ гаварить:

— Вазьми деньги у кутнимъ углѣ,—тольки атстань ать мне!—Мужикъ, якъ на быў глупъ, сгребъ шкатулку и ушоў. Прибѣгаіть слуги—баринъ ляжіть забитый.—„Зачѣмъ вы пабѣгли? Мужикъ мне саўсѣмъ забіў. Пазавіта священника:—я скора умру.“

На третія сутки баринъ піриставіўся, и стали яго пумінать, и я быў у тоя ўремя на паминкахъ. Чарствія яму Божія!

№ 18.

Мужикъ пану шутычку сшутілъ.

Панъ сказаў мужику: „Сшути ми ѿ шутычку“, а мужикъ ему сказаў:—Привалила рыбка къ гати—некаму тигати.—Пришолъ панъ къ гати, а рыбки ни водный нѣту: мужикъ шуточку и сшутілъ.

№ 19.

Баринъ — яму мужикъ парайо — лашадей сабѣ изъ тыквъ высиживаю.

Какъ пасбію адінъ мужучокъ гарбуздю, и ўдались яны такея хорошея, и такъ давольна. — Вотъ аны паспѣли, и давай іонъ ихъ выбирать, и павезъ ў горадъ прадавать. Падходить къ яму памѣщикъ и гаворить яму: „Што ты ета, мужучокъ, прадаешъ? — А іонъ гаворить: — А яйцы. — „А што зъ ихъ можна здѣлать? — А іонъ гаворить: — А во што зъ ихъ можна здѣлать: ежели ты хочишъ ёздить на харошихъ лашадяхъ, сядь на еты яйцы, да на високій ёлки, и высидишъ сабѣ такихъ лошадей, какихъ ты никада не видываю. — Вотъ іонъ купію сабѣ етыхъ гарбузоу нѣскалька штукъ, патомъ и гаворить на етыга мужука: — „Ну, братъ, теперь я табѣ дамъ сто рублей, — толька ты мяне сведи, на который елки можна высидить лашадей.“ — А етыъ мужучокъ знаю, идѣ ляжть заицъ, падъ каторью елкаю. Вотъ іонъ и павею яго туда, и гаворить: — „Ну, садись, да сматри, ни слизай, пакамистъ съ — падъ тябе вылизутъ еты лошади“. — Вотъ іонъ идеть къ дому и приказывать жанѣ: — Принаси мнѣ заўтрикать, абѣдать и вужинить, а мнѣ дамой хадить некада. — Вотъ жина насила яму адінъ день, и другой день, и третій день, а патомъ какъ-то и пазабылась. — Вотъ іонъ сядѣю, и захатѣлась ему такъ сильна ёсть, то и іонъ самъ сабѣ и гаворить, сидя на елки: — „Ахъ, Божа мой, вотъ какая мая жина: на харошихъ-то лашадяхъ бы ёздила, а пра мяне то и забыла!“ — Патомъ и гаворить: — „Падажди; толька дамой пріѣду, то ина ета будить помнить, что ина пра мяне пазабыла! — Какъ то стаю паварачиватца, да какъ загримить іонъ зъ етыѣ елки, а падъ тэй елкуй лижаю заицъ, то етыъ заицъ какъ ускочить, какъ пубяжить, а іонъ то за нимъ ўслѣдъ и кричить: — „Ай, ни дасѣдію я сабѣ лашадей!“ — Тотъ толька и быу такоу: пубижая у лѣсъ. Вотъ іонъ пришоу дамой, и давай сваю барыню бранить: — „Какъ ты не могла мнѣ принести падѣсть, а я толька стаю було дасѣживать сабѣ харошихъ лашадей, и захатѣлась мнѣ дужа сильна падѣсть, — то я хатѣю було слѣзть тихинька съ сваей насѣтки, да какъ абламіуся, да абъ землю, а лошадь нидасѣжаная съ — падъ мяне, то я яе даганяю“

даганяў,—никакъ ня могъ яе диржать; а если бы ты мнѣ при-
нисла шасть, то были бы у нась лошади ни такея, какея у
нась теперь юсть: када я малинькага, и то никакъ ня могъ
паймать, а если бы я дасѣдіў, то имъ бы и здержи не была,—
а тяперь ты сама винувата,—усё и ъзди на такихъ, какія
юсть“.....

№ 20.

Калядный гость.

Сватъ къ свату пришоў у гости на калядки. Атгастіў
калядки; сватъ и спрашіть у свата:— „Ти харашо была на
каляды?“—Харашо.— „Ну, пабудь-ка ты да маслины!.. Ета
луччій будить“.—Даждали маслинки и маслинку атгастили.
Потэмъ сватъ и гаворить:— „Ти харашо была, сватъ, на ма-
слину?“—Да, дужа харашо, сваточекъ!... „Пабудь-ка да вя-
ликодня... пагляди, какъ тада будить!“.—Атгастіў гость и
Христоў день. Тамъ выихали люди у поля пахать; агу, ха-
зянъ и гаворить:— „Братъ войтичка, прагонь ты мнѣ каляд-
ника гостя: парядкамъ юнъ мнѣ надакучіў“.—И пупрасіў ха-
зянъ войта, штобъ юнъ здѣлаў, што надыби.

Потэмъ хазянъ гаворить на гостя:— „Ну, братъ, бирягись:
сичась ка мнѣ прыдить войтъ звать на пригонъ „па семира зъ
двара вонъ.“ Йонъ, братъ, ня дужа—то любить калядныхъ га-
стей; дакъ я табѣ, братъ, парайю: палажу я тябе у мяшку, на
калёсахъ, замѣсть тога хлѣба.

Приходить войтъ къ хазяну:— „Чаломъ вамъ! А ета
што у тябе на калёсахъ за мяшокъ съ мякины?.. Ахъ,
какъ бы мнѣ найти каляднага гостя?... У тябе братъ, мнѣ
казали, адінъ гость (Да пу мяшку бутца винарокымъ кну-
томъ). Я-бъ яго!—(да разъ, два, три, чатыри кнутомъ). Ну,
братъ, низвиняй, што тябе бизпакої: казали добрые люди,
бытца у тябе гость калядный—я бъ яго забизуваў бы да смерти.

Потомъ, якъ ушоў войтъ, якъ выпустіў хазянъ гостя,—юнъ
скарѣй дамой. Йонъ ужу, самъ гость, харашо знайти, дагадаўся,
што нада робить: аброть у руки, саху на плечи, да у поля
пахать.

№ 21.

Хлѣбъ-соль!—Просимъ пакорна пакушать!

Одинъ крестьянинъ былъ большой охотникъ покушать. Какъ увидить обѣдающихъ и, по обычаю, скажетъ имъ „хлѣбъ—соль“, а обѣдающіе, по обычаю, отвѣтятъ: „просимъ покушать“, крестьянинъ этотъ никогда не отказывался отъ „хлѣба—соли“, а присаживался за столъ и обѣдалъ.

Стали замѣчать его привычку и ужъ не просили его покушать, а только благодарили зе доброе слово:—„Спасиба табѣ за добрыя слова, милый чаловѣкъ!“

№ 22.

Подъ порогомъ иголка.

Дѣвка все отказывалась работать подъ предлогомъ, что она не довидить — плохо у нея зрѣніе.

Пришли сваты и положили для испытанія ея зрѣнія иглу подъ порогомъ; дѣвка тотчасъ замѣтила иглу: „подъ порогомъ иголка!“...

№ 23.

Химя—дренна имя.

Одна баба за перемѣну имени отдала рубль денегъ да шубку, и приказано было бабѣ сѣсть въ ступу, когда никого дома не будетъ, распустить волосы и молчать, что бы съ нею ни дѣлали; и на все это баба согласилась, потому что ей не нравилось ея имя: „Химя—дренна имя!“

Сынъ первый замѣтилъ, что какое-то чудовище сидитъ въ хатѣ, побѣжалъ, отцу рассказалъ. Отецъ не повѣрилъ, а какъ пришелъ, то испугался,—а какъ хорошенько разглядѣлъ, то и началъ бить жену кнутомъ, а она все не лѣзеть со стуны. Ну, наконецъ вылѣзла—не стало терпѣнья—да и говорить съожалѣніемъ мужу:—„Кагда-бъ ты не сѣкъ меня кнутомъ, я бы ву святыхъ аявиласъ“.—

№ 24.

Р о з в и с н я.

Адну бабу звали Розвисній. Баби етый ни нравилась ета имя. Думалысь ей: — „У ўсехъ бабъ имина, какъ имина, а у мяне какоја-та гадкыя, ни людскоя имя.“ — Адинъ паринъ вызвался пирякстить яе; вялѣль ей лечъ у лажу, да хадилъ вакругъ яе и пригавариваль:

„Вада махавая,
Баба маладая,
Шубушка навая!“...

Какъ абайшолъ три раза съ этимъ пригаворомъ, то сказалъ:

„Шуба на шутка:
Будь ты Аксютка“.—

Шубу-то парень сабѣ узялъ, а баба стала называтца Аксютый.

Б ы л ь.

№ 1.

Дѣўка викавуха, якъ яе цыгани абманили.

Жила дѣўка-викавуха. Узышли на дворъ къ мужичку цыгани. Дѣўка выхадила на дворъ и спрашіть:

— Хто такей?

— „А сваты. Пайдешъ замужъ за нась? Бяри у матири ключи, выбирай дабро — паѣдимъ жанитца!..“ Ина атъ матири забрала ключи и стала надивать усю адёжу съ имбара.

— „Ты напрятывай адёжу палуччи!..“

Напрянула ина новый знизъ.

— „Ну, садись на коній!..“

Садились на лашадей, паклаўши дабро, съизжали са двара, паѣхали вакругъ дяреўни, абѣхали три раза, штобъ даўжъ